

Б И Б Л И О Т Е К А

ISSN 0132-2095



ОГОНЁК

№ 5

1981



Любовь ЮНИНА

**ЖЕНЩИНА
В ОДНОКОМНАТНОЙ
КВАРТИРЕ**

М О С К В А

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«П Р А В Д А»

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 5

Любовь ЮНИНА

**ЖЕНЩИНА
В ОДНОКОМНАТНОЙ
КВАРТИРЕ**

ПОВЕСТИ

Москва. Издательство «ПРАВДА»

1981

Любовь ЮНИНА

Любовь Михайловна Юнина родилась в селе Починки Башмаковского района Пензенской области. Окончила юридический институт и Высшую партийную школу при ЦК КПСС. Выступает в центральной печати с очерками, статьями и рассказами с 1960 года.

ЖЕНЩИНА В ОДНОКОМНАТНОЙ КВАРТИРЕ

Проснувшись, Дарья Павловна несколько минут лежала, не открывая глаз и ни о чем не думая. Ей не надо было смотреть на часы, она и так знала, что сейчас ровно семь. Дарья Павловна всегда просыпалась ровно в семь, а спала крепко, без снов.

Отбросив одеяло, она подтянула к животу правую ногу, резко вытянула ее, потом левую, а затем обе вместе. Три раза. Легко поднялась, босиком пробежала в кухню, налила из крана в кружку горячую воду, вернулась в комнату, села на пол по-турецки. Обняв кружку ладонями, стала медленно, маленькими глотками пить воду, глядя в окно на занимающийся день. Дань моде — йоговская гимнастика! Кто научил ее этой чепухе, Дарья Павловна не помнила и слегка посмеивалась над собой за веру в нее.

Но сорок пять есть сорок пять. Годы дают о себе знать. Пока незаметно, но дают. Что-то надо делать! Конечно, лучше бы ходить к массажистке, но где взять время? А йоги отнимают всего пять минут. Впрочем, она никому не рассказывала про эти свои утренние процедуры. Она не любила проявлять слабость ни на людях, ни даже наедине с самой собой. Может быть, именно это помогало ей всегда выстоять даже в самых сложных жизненных ситуациях.

Душ Дарья Павловна терпеть не могла, но тем не менее, преодолевая отвращение, она каждое утро его принимала. Воду она пускала не холодную, не горячую, а теплую, нежащую. Такой душ не приносил телу бодрости, наоборот, несколько минут после него она мерзла. Но душ был данью чему-то необходимому, она сама не знала чему, не чистоплотности! Нет! После работы Дарья Павловна непременно выкраивала время и пятнадцать минут наслаждалась, лежала в теплой ванне, в которой шапкой стояла мыльная пена. Это она любила! Дарья Павловна была полна неясных предрассудков, в которых она сама плохо разбиралась. В ее жизни было много разных «можно», «нужно», «нельзя», которым она хотя и подчинялась, но объяснить их себе не могла, а впрочем, и не стремилась. Где-то в глубине души она подозревала, что становится ханжой, но в точности она не была в этом уверена.

Большую часть утреннего времени отнимала косметика. Есть женщины, которые, красясь, испытывают наслаждение. Дарья Павловна к ним не принадлежала. Она ненавидела длительность этой процедуры. Быстрая по натуре, она страдала от необходимости делать десятки замедленных прикосновений щеточкой к ресницам. Однако, сдерживая нетерпение, красилась старательно. Втирала тон, делавший ее кожу свежей и чуть смуглой, тщательно причесывалась. А затем так же тщательно одевалась. Перед уходом она подходила к трюмо и с пристрастием оглядывала себя. Из зеркала, легко улыбаясь, на нее смотрела довольно красивая женщина, модная и современная с головы до пят.

Выйдя на улицу, Дарья Павловна достала из сумки большие темные очки и, надев их, не торопясь зашагала по улице, радуясь солнечному майскому дню. Зеленая дымка стояла над деревьями и кустами. Клейкие листочки уже проклюнулись из почек, но не развернулись, и это их неопределенное состояние как бы предвосхищало красоту. Дарья Павловна любила это время года.

Она шла через сквер, ни о чем не думая, безотчетно улыбаясь чему-то. Какой-то прохожий задержал на ней взгляд: она погасила улыбку, придирчиво оглядела себя как бы со стороны и, оставшись довольной, снова улыбнулась. Светло-серые брюки, синий кожаный пиджак, голубой тонкий джемпер с высоким воротом, синие туфли и сумка через плечо. Дарья Павловна была удовлетворена собой, жизнью, своим положением в этой жизни.

Те, кто знал Дашу Лактионову в детстве и юности, с трудом верили метаморфозе, происшедшей с ней. Хорошенькая, увлекающаяся, доверчивая девочка, она училась кое-как, неровно. Тройка была самой стабильной ее отметкой. И происходило это не оттого, что она была ленива или тупа, — нет, просто сфера ее интересов лежала где-то вне школьных занятий. Она много и беспорядочно читала, и каждая прочитанная книга рождала новые увлечения. «Жизнь Марии Кюри» превратила Дашу на некоторое время в отличницу. Она решила быть целеустремленной и с утра до вечера учила уроки. Но тут ей подвернулся роман Станюковича «Равнодушные», и Даша поняла, что жизнь надо прожигать.

В девятом классе Даша выкурила первую сигарету, однако к табаку так и не пристрастилась, хотя бывали у нее периоды, когда она покуривала. В десятом в первый раз пошла в ресторан, и там ей очень понравилось.

Все, кто знал Дашу в этот период ее жизни, считали ее легкомысленной и пустой: даже ближайшие подруги не принимали ее всерьез. Только сама Даша знала про себя совсем другое. Она не думала о том, какая она сейчас, она мечтала о том, какой она будет. Прежде всего очень знаменитой. Кем? Это было неясно. Может быть, актрисой (она играла в самодеятельности), писательницей (она писала весьма

плохие стихи), а может быть, выдающимся государственным деятелем. Вот какие масштабы были у Даши! В своих фантазиях она видела себя в открытой машине за рулем, в белом английском костюме. Машина стоит, а Даша ждет мужа и прикуривает от золотой зажигалки. А в это время идет Он. Он — это был Ленька Капустин, который пренебрег ее любовью и назвал ее пустой дурой. Что будет дальше, Даша не жала. Ее фантазия всегда как-то тормозилась на этом Леньке. Она жила в своих туманных мечтаниях и ничего не делала для их осуществления.

Никто не предполагал, что из Даши выйдет что-то путное. Только одна из соседок, журналистка, желчная неудачница, разглядела в ней что-то и сказала Дашиной матери:

— Девочка не так однозначна, как кажется! Я думаю, в конце концов из нее сформируется интересная личность!

Мать замечание соседки изумило. Дашка — личность?! Некоторое время она приглядывалась к дочери, но ничего выдающегося в ней не обнаружила.

Даша поступила на экономический. В те годы это была довольно бесперспективная профессия, но Даша пошла туда потому, что там, по слухам, самый маленький конкурс. Рассчитывать, что с ее тройками примут в приличный вуз, Дарья Павловне не приходилось. Но в институте она неожиданно для самой себя стала хорошо учиться и даже почувствовала к этому некоторый интерес.

Когда Дарья Павловна вспоминает свою юность, она удивляется: до чего же нерасчетливо жила, как много лет потеряно впустую! Но это было не так, просто она очень медленно взрослела.

Замужество Дарьи Павловны оказалось неудачным. Впрочем, это она тогда решила, что жизнь ее со Степаном у них не получается. В ту пору Дарья Павловна была максималистка; впрочем, она и теперь осталась ею, но не рубила сплеча, как в молодости. Жизненный опыт научил ее осторожности. Теперь-то она понимала, что Степан был совсем не так плох, как ей тогда казалось. Нормальный современный мужик: в меру ленив, в меру безответствен, с не очень хорошим, но и с не очень дурным характером — со временем все б обкаталось... Но тогда ее возмущало, что все заботы о семье он свалил на нее, заслонился от всего своей кандидатской, в которую, если честно говорить, втравил ее Дарья Павловна. Но и когда он защитился, все осталось по-прежнему. Терпение Дарьи Павловны лопнуло, и они развелись. Степан и по сей день сидит в своем институте на должности старшего научного сотрудника, звезд с неба не хватает и, главное, не стремится к этому. Дарья Павловна давно опередила его во всем, хотя защищалась позже, но она уже доктор наук, профессор, заместитель директора института. Если б они не расстались, Дарья Павловна не дала бы ему засидеться, заставила бы двигаться. Она считала, что кое-какие творческие извинилы у него были, просто ленив очень, готов малым довольствоваться, лишь бы не беспокоить свою драгоценную особу.

Больше Дарья Павловна замуж не выходила. Появлялись, правда, претенденты на ее руку, но все они были ничуть не лучше Степана. Не то, чтобы Дарья Павловна жалела, что рассталась с мужем, нет, этого не было, но если б она в ту пору была более мудра, то не развелась бы со Степаном, перетерпела, а его бы все же заставила измениться. Какой-никакой, но все же отец ее ребенка. Она, конечно, привыкла к своему женскому одиночеству, настолько привыкла, что, кажется, и не сможет уже терпеть кого-либо возле себя.

Дарья Павловна пересекла большой прохладный вестибюль старинного особняка, где размещался институт, поднялась по широкой мраморной лестнице на второй этаж, поздоровалась со своей секретаршей Милочкой, которая подражала ей во всем, да так, что Дарье Павловне порой казалось, что она смотрит на себя в кривое зеркало из комнаты смеха где-нибудь в парке культуры и отдыха.

— Здравствуйте, Дарья Павловна, — пропела Милочка и преданно заглянула ей в глаза. — Как вы себя чувствуете?

Дарья Павловна чуть заметно поморщилась: с чего бы это Милочка в последние дни интересуется ее здоровьем? Не старуха она еще, слава богу, и не болезная. И вдруг вспомнила: неделю назад она, заметив, что Милочка бледна, спросила, как та себя чувствует. «Ах Милочка, — подумала Дарья Павловна, — какая же ты еще дурашка, Милочка». А вслух сказала с улыбкой:

— Прекрасно себя чувствую! Я всегда по утрам чувствую себя прекрасно, Милочка! А вот вечером — другое дело. К вечеру я, случается, совсем дряхлею.

Милочке казалось остроумным все, что произносили уста Дарьи Павловны, поэтому она рассмеялась.

— Скажете тоже, Дарья Павловна: «Дряхлею»! Это вы-то дряхлеете?!

Дарья Павловна тоже посмеялась и проследовала к себе в кабинет. К своему возрасту она относилась двояко: с одной стороны, он ее огорчал — цифра «сорок пять» слишком близко стояла к пятидесяти — возраст, когда женщину называют пожилой. А пожилой Дарье Павловне никак не хотелось быть, потому что в душе она чувствовала себя совсем не старой. Но и скрывать истинный свой возраст претило Дарье Павловне. Поэтому Дарья Павловна, демонстрируя внешнюю молоджавость, здоровье, подтянутость, — все то, что она называла «формой», — непременно при этом говорила, что она уже, увя, стара, по опыту зная, что факту верят больше, чем словам.

Уборщица, как всегда, оставила открытой форточку, и Дарья Павловна, не терпевшая сквозняков и вообще прохладной температуры, с ненавистью захлопнула ее.

На столе в узкой керамической вазочке стояла распутившаяся тополиная ветка. Дарья Павловна понюхала ее — горьковатый запах ударил ей в ноздри. Потом полюбовалась веточкой — стараниями

Милочки, выросшей в Латвии, стол Дарьи Павловны всегда был озеленен.

Усевшись в кресло и бросив взгляд на рабочий календарь, Дарья Павловна ахнула: как же это она забыла, что сегодня ей надо быть в райисполкоме и «выколачивать» квартиру для недавно защитившего докторскую диссертацию Максима Туманова? Ей предстояла встреча с заместителем председателя Клавдией Агафоновной Агафоновой, женщиной несколько ортодоксальной, которая вечно боролась с модой и запрещала сотрудницам ходить на работу в брюках. А Дарья Павловна, забыв об этой встрече, вырядилась в брючный костюм. «Как глупо, — расстроилась она, — поистине старушка слаба умом стала». Конечно, ей было наплевать на вкусы Агафоновой, ей-то никто не посмеет запретить войти в райисполком в брюках. Но только Клавдия Агафоновна может принять это как вызов и назло помариновать вопрос с квартирой, тем более что вопрос сложный. Поэтому директор и отрядил на переговоры дипломатичную Дарью Павловну.

«Придется ехать домой переодеваться. Час времени кошке под хвост, — подумала Дарья Павловна. — Что за чудище эта Клавдия!» Она вынула из сумки пудреницу, припудрила нос, чуть подправила локон, и деловой день деловой женщины начался.

Как-то получалось, что у Дарьи Павловны работы всегда оказывалось больше, чем можно было успеть сделать за восемь часов. В институте на нее сваливали многое, потому что она умела решать вопросы быстро и умно. Она всегда точно представляла себе, что надо предпринять в том или ином случае и как предпринять. У нее были обширные деловые связи, и там, где другой потратит часы и дни, Дарье Павловне достаточно было пятиминутного телефонного разговора. Она была не только хорошим организатором, но и довольно крупным специалистом в той области науки, которой занималась. С нею считались, к ее мнению прислушивались.

Дарья Павловна любила работать и работала красиво. Хотя, казалось бы, как можно красиво работать, сидя за письменным столом? Однако нашелся человек, который заметил это.

Как-то к директору института пришел писатель Валентин Скудаев и попросил дать ему возможность «повариться в атмосфере НИИ», так как он задумал писать роман, действие которого развивается в такого вот рода институте. Директор Игорь Васильевич Попов, естественно, сплавил его к своему заму. Он всегда все лишнее и ему ненужное сплавлял к Дарье Павловне, так как знал, что она более ловко, нежели он, сумеет от этого избавиться. Но получилось впервые, пожалуй, что Дарье Павловне не удалось избавиться от Скудаева. Более того, вместо того чтоб «вариться в атмосфере НИИ», он предпочел «вариться» в атмосфере кабинета Лактионовой.

Сначала он ее раздражал. Приходил, когда хотел, подчас в самое неподходящее время, садился в уголок, в кресло, покуривал

и поглядывал оттуда на Дарью Павловну круглыми черными глазами. Потом она привыкла к нему, порой вообще забывала, что он сидит у нее в кабинете. Иногда, обнаружив, говорила:

— Походил бы по лабораториям, Валентин Иванович. Ну чего тут у меня интересного?

— Я хожу, — коротко отвечал Скудаев. — Но у вас интереснее. Там, в лабораториях, лишь кончики разных ниток, а у вас — узелки.

— Ну, сидите, раз узелки, — посмеивалась Дарья Павловна.

Иногда, когда к концу дня все утихло и у Дарьи Павловны выпадали свободные минуты, они разговаривали. Как-то он спросил:

— А почему вы не замужем, Дарья Павловна?

Дарья Павловна не любила разговоры на такие темы, сердилась, когда их заводили при ней, но сейчас этот вопрос отчего-то ее не покоробил. Она пожала плечами:

— Ну и вопрос вы мне задали, Валентин Иванович... В разные годы я б ответила по-разному. А сегодня сама задам вам вопрос: зачем мне муж?

Скудаев несколько растерялся.

— Вы красивы, милы... и нельзя же жить только работой.

— А я и не живу только работой. Хотя большая часть моих интересов лежит именно в сфере работы. Во-первых, у меня есть сын. Совершенно взрослый и даже женатый. Правда, живет он отдельно, потому что втроем мы вряд ли бы ужились. Я ведь привыкла командовать, помыкала бы невесткой.

— Да что вы на себя наговариваете, Дарья Павловна! Вы бы помыкали! Вы такая добрая.

— Я добрая? — Дарья Павловна воззрилась на него с любопытством, потом рассмеялась. — Значит, тогда б она помыкала мною. Но, впрочем, если серьезно: мое убеждение, что молодые люди должны жить отдельно, сами воспитывать друг друга. Никто третий между ними стоять не должен. Поэтому, как только сын решил жениться, я разменяла квартиру. И теперь у меня однокомнатная «гарсоньерка», где я живу абсолютно независимо.

— Вот видите, — убежденно сказал Скудаев. — Вы живете только работой. Но работаете вы удивительно красиво. До сих пор мне приходилось видеть, как человек красиво работает у станка, в поле, ну, физически, в общем, работает. Вы просто восхищаете меня, Дарья Павловна!

— Ну уж, — фыркнула Дарья Павловна, так как не очень доверяла похвалам. Жизненный опыт убеждал ее, что похвала редко бывает искренней, за ней непременно следует просьба. Хотя в глубине души Дарья Павловна была о себе довольно высокого мнения, может быть, даже выше, чем ей высказывали другие. Однако это мнение она держала при себе.

— Я всегда правду говорю,— обиделся Скудаев.— И вы мне очень интересны.

— Как типаж?

— Как человек! Я много думаю о вас. Вы красивая женщина. Вы любите подчеркнуть свою красоту одеждой, косметикой, но в то же время вы никогда не кокетничаете...

Дарья Павловна рассмеялась.

— Что вы говорите, Валентин Иванович! Разве заместителю директора института к лицу кокетство?

— Я не точно выразился... Я хотел сказать, что вы ведете себя так, словно вы не женщина. Всем своим видом вы даете понять, что на ухаживание за вами наложено табу...

— Я на работе, Валентин Иванович...

— Я думаю, что вы везде такая. Я сомневаюсь, что, выходя из института, табличку «табу» вы прячете в сумочку. Вы мне кажетесь человеком цельным. Вот вы спрашивали, а зачем вам муж? Ну, а тогда зачем стремиться быть красивой, для кого? Для ваших коллег? Так они ценят вас за ум, за деловитость. Для себя?

— Вы усложняете. Все проще. Я считаю, что собранной надо быть не только внутренне, но и внешне...

— Но для этого достаточно надеть просто строгий костюм. А у вас поглядите какое изысканное платье!

Дарья Павловна с удовольствием оглядела свое платье — шедевр портняжного искусства. Она привезла его из Парижа, вгрохав все командировочные до последнего франка.

— Быть красивой — это мой комфорт. Знаете, по Чехову: в человеке все должно быть прекрасным...

Скудаев смотрел на нее недоверчиво, а она улыбалась ему искренне и открыто.

Но все было совсем не так просто, как объясняла Скудаеву Дарья Павловна. Как всякий нормальный человек, она страдала от одиночества, не очень, правда, потому что на настоящие страдания у нее не было времени. Фраза «зачем мне нужен муж» была бравадой. Теоретически иметь хорошего любящего и любимого мужа и быть кем-то защищенной она бы желала. Просто муж ей был не нужен, как не нужно было положение замужней женщины ради престижности. Поэтому, если говорить грубо, то красотой своей она никого заманивать не собиралась. Но неэффектная женщина — это одно, считала Дарья Павловна. Поэтому и одинока, что не на что глянуть! А красивая, элегантная одинокая женщина — совсем другое. Одинока, потому что зачем ей муж? Ей и так хорошо. В этом логическом построении, которое сочинила Дарья Павловна, логики, как мы видим, было немного. Просто стремлением быть красивой она самоутверждалась.

— Дарья Павловна,— спросил Скудаев,— ну неужели вам никогда не мечталось о том, что так банально называется «личное женское счастье»?

— Мечталось,— засмеялась Дарья Павловна,— знаете, в молодости у меня была такая хрустальная мечта. Сажу я в белой открытой машине за рулем (пагубное влияние зарубежных фильмов), на мне белый костюм, а мимо идет Ленька Капустин. Видит меня и понимает, что потерял!

— А кто это Ленька Капустин? — с любопытством спросил Скудаев.

— Неосуществленная любовь... То есть любовь без взаимности. Мы в одном дворе жили в детстве, и когда он узнал, что я в него влюблена, сказал про меня, что я дура, да еще пустая.

Скудаев улыбнулся.

— Сейчас ваша мечта вполне осуществима. Машина у вас есть, белый костюм тоже.

— Годочки не те.

— Ну, ерунда! И где сейчас этот Ленька?

— Не знаю. Мы переехали.— Она вздохнула.— Разучилась влюбляться я, Валентин Иванович. Хорошо это или плохо, но это так.

— Плохо. Вы обкрадываете себя.

Но Дарья Павловна не согласилась с ним.

Почему-то сегодня, вернувшись из райисполкома, Дарья Павловна вспомнила этот разговор со Скудаевым. Прежде чем отправиться к Агафоновой, она все же съездила домой переодеться и облачилась в скромный английский костюм, вид которого чрезвычайно порадовал Клавдию Агафоновну.

— Мила, как всегда мила,— сказала она, оглядывая Дарью Павловну. Потом прозорливо заметила: — Небось, специально так вырядилась, чтоб мне угодить.

Клавдия Агафоновна и внешностью и голосом была очень похожа на народную артистку Татьяну Пельтцер. Ветеран войны, она с незапамятных времен работала на своей должности и, несмотря на некоторые чудачества, была человеком чрезвычайно толковым.

— Конечно, именно для вас так приделась,— сказала Дарья Павловна.— Не могу нарушать устав вашего монастыря.

— Хитровка! Ну, так что там у тебя?

Дарья Павловна изложила. Максим Туманов только что защитил докторскую диссертацию, живет в коммунальной квартире, в пятнадцатиметровой комнате. Институт может дать ему квартиру в своем новом доме, но вот метров для него одного многовато — шесть лишних метров. А поменьше квартир в доме нет.

— Можем дать вам поменьше, а вы нам эту,— предложила Клавдия Агафоновна.

— Не хотелось бы.— Дарья Павловна повертела кольцо на пальце.— Ему тридцать семь лет. Вот-вот женится, родит ребеночка. И опять ему меняй квартиру! Понимаете, Клавдия Агафоновна, он исключительно талантливый человек, подает большие надежды. Мы очень просим пойти нам навстречу.

— Законы не про вас писаны? — проворчала Клавдия Агафоновна.— А вдруг не женится? Что он до сих пор-то не женился?

— Да он работал как одержимый. Шутка ли, в тридцать семь — доктор наук. А сейчас оглядится, влюбится...

— Эх, матушка,— перебила Агафонова Дарью Павловну,— кто до тридцати семи не женится, тот уж и не женится. Или он разведенный?

— Да нет! Но мы его женим. Непременно женим! Он у нас красавец. Да еще умный.

— Красивый умник так же плохо, как и умная красавица, вроде тебя. Сама-то все в холостячках?

Дарья Павловна скромно потупила взор.

— Старушка я уж, Клавдия Агафоновна! Куда мне!

— Не придируйся! Старушка! Сколько метров-то в квартире?

Дарья Павловна сказала. Агафонова покачала головой: многовато.

— Клавдия Агафоновна,— быстро заговорила Дарья Павловна,— не надо подходить к этому формально. Случается же, что вы даете двадцатиметровую квартиру одинокому человеку, а ведь там тоже лишние метры, если исходить из нормы. А здесь просто кажется, что много, так он имеет право как доктор наук на дополнительную площадь.

Агафонова сдалась неожиданно быстро.

— Ладно, подумаем...

— Спасибо!

Дарья Павловна быстрым шагом прошла через приемную, вышла в коридор и обнаружила там длинную фигуру Максима Максимовича Туманова.

— Здравсьте! — сказала она насмешливо.— Вы как здесь очутились?

Туманов не смутился.

— Только не подумайте, что я пришел болеть за эту квартиру. Просто у меня к вам был один вопрос, а Милочка сказала, что вы поехали домой переодеваться, так как у вас встреча с Агафоновой. И я понял, что Игорь Васильевич вместо себя отправил вас выбивать квартиру. А мне неприятно, когда о моих делах хлопочет женщина.

— Я не женщина! — высокомерно ответила Дарья Павловна.— Я заместитель директора института! Что это с вами, Максим? Что за средневековое рыцарство? И потом, что меняет в существе дела ваш визит сюда?

— Я понимаю, это глупо,— уныло произнес Максим.— Но поймите, мне неловко, что именно вы хлопочете мне квартиру.

Дарья Павловна с интересом поглядела на него. Какая ему разница, кто о нем хлопочет? Важен результат.

— Да будет вам известно, что именно я всегда занимаюсь такого рода делами,— заметила она.— У меня это получается лучше, чем у Игоря Васильевича. Он,— Дарья Павловна неопределенно pokrутила пальцами,— делает это несколько неуклюже. И на этот раз у меня, тьфу-тьфу, не слгзлть бы, кажется, вышло удачно. Но не будем радоваться преждевременно — я суверсна!

— А я не радуюсь. В сущности, я и не просил квартиру. Это Попов решил, что она мне нужна. Меня вполне устраивает моя комната. Единственное, что книги уже совсем некуда девать. А так у меня прекрасно! Одна соседка всего, старушка! Она и готовит мне и стирает... Мы живем с ней душа в душу.

— Соседка — это прекрасно...— задумчиво произнесла Дарья Павловна, усаживаясь в ожидавшую ее машину.— Вы тоже в институт? Но Агафоновой я обещала, что вы женитесь. Иначе, я думаю, она б отказала. У вас есть невеста? Вы кого-нибудь любите? — небрежно, с высоты своего возраста и положения спросила Дарья Павловна и, с улыбкой повернув лицо к Туманову, наткнулась на его непонятный, то ли встревоженный, то ли испуганный взгляд. Со странным для себя ощущением Дарья Павловна поспешно опустила глаза и, не дожидаясь ответа, быстро заговорила:

— Какая весна нынче ранняя! И тепло... Больше всего люблю это время года! — Она произносила еще какие-то пустые, ничего не значащие слова, не понимая, что же это происходит сейчас между нею и Максимом. Но что что-то происходило, что-то странное,— это она чувствовала.

У подъезда института он стремглав выскочил из машины, открыл ей дверцу. Дарья Павловна вошла в вестибюль с ощущением, что табличку с надписью «табу» она несет в сумке, а не на груди, как это бывало обычно.

— Так какой у вас, Максим, был ко мне вопрос?

— Вопрос? Ах да! Я хотел вам показать окончательные тезисы моего доклада.

— Оставьте их у Милочки, я сейчас пойду к Игорю Васильевичу. А впрочем, не надо! Я посмотрю их в поезде. Завтра уезжать, а дел невпроворот...

— А тут еще квартирные хлопоты...

— Возьмите с собой побольше денег. В Риге много красивых безделушек.

— Я в этом ничего не понимаю.

— Посмотрим вместе.— Она кивнула ему.

В приемной директора Дарья Павловна спросила секретаршу:

— У себя?

— Да.

— Один?

— Один.

Дарья Павловна вошла в кабинет. Директор, высокий, толстый, лысый, в массивных роговых очках, делавших его похожим на сову, разговаривал по телефону. Увидев Дарью Павловну, которая приостановилась было на пороге, закивал ей и толстым пальцем потыкал в стоявшее рядом со столом кресло. Дарья Павловна приблизилась, села, закинула ногу на ногу, обнажив красивые круглые колени.

На столе лежала пачка «Явы», и Дарья Павловна вдруг ощутила желание закурить. Она потянулась к ней, вытащила сигарету. Попов, продолжая разговаривать, щелкнул зажигалкой и, перегнувшись через стол, дал ей прикурить. Дарья Павловна затянулась с явным удовольствием.

— Ну что? — спросил директор, положив трубку. — Какие успехи?

— Клавдия сегодня оказалась довольно покладистой. Я, правда, пообещала ей, что мы Туманова скоро женим. Думаю, что утвердят ему эту квартиру.

— Хорошо бы! Золотые мозги! Не устаю им восхищаться! Какие идеи в голове! Какие идеи!

— Идеи — да. Но вообще он странный. Знаете, Игорь Васильевич, ведь он следом за мной примчался в исполком.

— Да-а? — удивился Игорь Васильевич. — Действительно странно. Мне казалось, что его совершенно не интересует эта квартира. Даже наоборот, получилось как-то, что я просто навязываю ему ее. Не может быть, чтоб я так ошибался! — Он заволновался и забегал по кабинету, неожиданно легкий для своего большого тела.

Дарья Павловна пустила колечко дыма (она умела пускать колечки и очень этим гордилась) и внимательно глядела, как оно расплывается и тает...

— Мне кажется, что вы ничуть не ошиблись, Игорь Васильевич, — заметила она неторопливо. — Его почему-то смутило главным образом то, что хлопотать о квартире поехали не вы, а я.

— А откуда он об этом узнал? — остановившись посреди комнаты, спросил Игорь Васильевич.

— От Милочки, случайно...

— Ну и что?

— Ну и ничего! — Дарья Павловна притушила сигарету о пепельницу и поднялась.

— Ха, — сказал вдруг Попов. — Он, наверное, влюблен в вас, Дарья Павловна!

Ему были свойственны такого рода нелепые озарения. Дарья Павловна оглянулась на него от двери.

— Разве я похожа, Игорь Васильевич, на женщину, в которую влюбляются?

— Нет! — искренне сказал Попов и громко захохотал. Дарья Павловна пожала плечами и вышла из кабинета.

Вот потому и вспомнила сейчас Дарья Павловна разговор со Скудаевым. Значит, непохожа она на женщину, в которую можно влюбляться? Хорошо это или плохо? Раньше ей казалось, что хорошо. А сейчас?

«А он красивый, — без видимой связи подумала Дарья Павловна о Туманове. — А впрочем, какое мне до этого дело?»

Войдя к себе в кабинет, она достала из сумочки пудреницу, глянула в зеркало. Результат осмотра ей не доставил удовольствия. Она нахмурилась, убрала пудреницу, постучала нервно пальцами по столу. Вошла Милочка, протянула ей конверт:

— Вот билет, Дарья Павловна.

— Спасибо, Милочка. Интересно, какая там погода?

— Я выяснила, Дарья Павловна. Погода хорошая, тепло. Теплее, чем у нас в Москве. Люди ходят с короткими рукавами.

Дарья Павловна покачала головой: поистине Милочка постепенно становится идеальным секретарем.

— И как же ты это узнала?

— Очень просто: спросила, когда заказывала гостиницу.

— Милочка, да ты делаешь сногшибательные успехи!

— Стараюсь, Дарья Павловна! Я взяла на вооружение статью в «Литературной газете».

— Умница! Тысячи секретарей прочли эту статью, но не сделали никаких выводов. Я объявляю тебе благодарность.

— Спасибо, Дарья Павловна. Вам звонил сын, напомнил, что вечером они к вам зайдут. В семь часов.

Дарья Павловна поморщилась. Она любила сына, скучала о нем, но предпочитала, чтоб он навещал ее по субботам или воскресеньям.

Время после работы Дарья Павловна любила проводить в одиночестве. Она почти никогда не ходила в будние дни в гости, никого не принимала у себя.

Задерганная делами, усталая, она приходила вечером в свою однокомнатную квартиру, напускала воды в ванну, выпивала на ходу стакан молока или сока — что оказывалось в холодильнике. На ходу раздевалась, разбрасывая вещи по стульям и креслам, целый день подтянутости требовал разрядки, и Дарья Павловна находила ее в полной анархии, потом ложилась в теплую пенистую воду и лежала, ни о чем не думая, пока вода не остывала. Затем Дарья Павловна закутывалась в большой махровый халат, обувала обшитые пушистым мехом тапочки, густо мазала лицо кремом и ложилась на живот поперек тахты. Если у нее была работа, то так вот, лежа, она читала и писала; если не было работы — смотрела телевизор или читала что-нибудь из того, о чем сейчас говорили. Эти вечера, ночи и утренние часы принадлежали лично Дарье Павловне. Она очень дорожила ими,

потому что здесь ей не надо было ни держать себя в форме, ни самоутверждаться. Иногда Дарья Павловна сама с собой разговаривала, особенно когда случались неприятности. Тогда она размашистым шагом ходила по квартире и произносила длинные монологи. Она никогда не плакала, не позволяла себе плакать. Плакать можно лишь тогда, когда тебя есть кому утешать, а Дарью Павловну утешать было некому.

Она привыкла к своему одиночеству, ничуть не страдала от него, а с годами научилась даже наслаждаться им. Не надо было мыть каждый день посуду, готовить еду, убирать квартиру. Она занималась хозяйством, когда ей хотелось, или когда надоедал беспорядок, или когда кто-то должен был прийти к ней.

Визит сына ломал привычный вечерний распорядок Дарьи Павловны: надо было бежать в магазин, готовить ужин, но она сама просила его прийти сегодня, потому что соскучилась, а их обычное субботнее или воскресное свидание на этот раз не могло состояться, так как Дарья Павловна уезжала в командировку.

Максим едва успел на поезд. Дарья Павловна уже начала беспокоиться и делилась своими волнениями с попутчиками, двумя немолодыми морскими офицерами, когда Максим появился в дверях купе. Он был весь какой-то взъерошенный, как котенок, попавший под струю воды и толком не успевший отряхнуться.

— Что случилось, Максим? — спросила Дарья Павловна.

— Я невезучий, — хмуро ответил он.

Поезд тронулся, и моряки, как по команде, поднялись.

— Как вы смотрите на то, чтоб сходить поужинать? — спросил один из них.

— Избави боже! — серьезно сказала Дарья Павловна. — Ужин я отдаю врагу, обед другу, а вот завтрак съедаю сама.

Моряки дружно засмеялись.

— Но вы, Максим, сходите, поешьте!

— Нет, спасибо, не хочется.

Моряки ушли, а Дарья Павловна, откинувшись на спинку дивана, слегка улыбаясь, поглядывала на Максима.

— Отдыхались? Нет? Вы что, всю дорогу бегом бежали?

— Я хотел вам, Дарья Павловна, розы подарить! Думал, продают у вокзала. Бегал, бегал! Смотрю на часы — поезд сейчас отойдет. Я побегал, еле успел...

— Для чего же розы?

— Разве вы не знаете? — удивился Максим. — Когда человек уезжает, ему дарят цветы...

— Но их обычно дарит тот, кто провожает, чтоб уезжающий подольше сохранил память о том месте, которое покидает.

— Я не подумал об этом, — растерянно проговорил Максим.

— Давайте ваш доклад, иначе я не успею его просмотреть.

Максим торопливо щелкнул замком чемоданчика, достал папку и подал ее Дарье Павловне. Она потянулась было к сумке, чтобы достать очки, и заколебалась: ей почему-то не захотелось читать в очках и показывать тем самым, что она не так молода, как кажется. Дарья Павловна взглянула на текст, он был четок, ясен, она вполне могла бы читать его, чуть дальше отодвинув рукопись. Но тут же, рассердившись на себя, она решительно достала очки и водрузила на нос. Очки у Дарьи Павловны, естественно, были самой модной формы, чуть затемнены и, пожалуй, даже шли ей.

Она начала читать, но не сразу могла сосредоточиться. Что, собственно, происходит с ней? Не захотела показаться немолодой? Но она делает это ежечасно, ежеминутно. Хотя нет: обычно это она делает вообще, для всех, а сейчас ей хотелось это сделать для одного конкретного человека — Максима Туманова. «Глупости какие лезут в голову!» — вздохнула Дарья Павловна и углубилась в чтение.

Дарья Павловна понимала толк в науке, которой занималась, любила ее и поэтому всегда получала настоящее наслаждение от талантливых работ. Она забыла о Максиме, который сидел напротив нее и, вытянув тонкую шею, смотрел испуганно-восторженными глазами; она восхищалась логикой его доказательств, точностью и глубиной мысли.

— Прекрасно, Максим! — сказала она. — Хотя в одном месте я совсем не согласна с вами...

Максим оживился, и, когда они заговорили о проблеме исследования, он как-то переменился, обрел уверенность, в глазах, лице его появилась твердость. Он спорил с ней на равных, жестко, и ничего в нем не было от вчерашнего нелепого рыцаря в райисполкоме и сегодняшнего не менее нелепого искателя роз. Он забыл обо всем, он помнил только о своей науке, и ему безразлично было, кто его оппонент — профессор Попов, Сидоров, Иванов или профессор Лактионова Дарья Павловна, женщина, в которую он внезапно влюбился.

А Дарью Павловну и в остром полемическом споре не покидала способность оценивать все абсолютно трезво. Она все помнила и все считала. Она прекрасно умела считать! И это всегда помогало ей. Но сегодня это губило ее. Потому что зрелость и твердость Максима в споре не заслоняли Максима растерянного, нежного, нелепого, а, наоборот, все стороны его характера воссоединялись в ее воображении — и этот Максим Туманов, и такой, и такой, и такой, почему-то волновал ее и был притягателен.

В дверь постучали, вошла проводница, принесла чай.

— Но чай-то вы не отдадите врагу, а, Дарья Павловна? — весело спросил Туманов. — У меня есть пирожки! Соседка напекла в дорогу. Очень вкусные!.. — Он вытащил из чемодана целлофановый мешочек,

аккуратно загнул края, получилось нечто вроде вазочки.— Попробуйте!

Дарья Павловне понравилась его аккуратность, обычно мужчины вываливают все на стол, нимало не заботясь о красоте. Она взяла пирожок, откусила.

— Вкусно! Мастерница ваша соседка.

— Ого! Еще какая! Она меня кормит, кормит, а я все равно всегда голодный.

— Что же вы не пошли в ресторан с моряками?

— Да ну!

— Вы же останетесь голодным!

— А! И потом у меня еще пирожки есть.— Он достал из чемодана другой мешочек.

Дарья Павловна засмеялась:

— Сколько же у вас всего мешочков?

— Еще один. На завтрак. Но я думаю, мы с вами все сейчас съедим. Я принесу еще чая!

— Хватит!

— Ну вот еще! Выпьете!— Он забрал со стола стаканы и вышел.

Дарья Павловна вынула пудреницу, неторопливо попудрила нос, подумала: «Кажется, он мною командует?»

Максим действительно съел все пирожки. Наблюдая, как он сворачивает пустые пакеты, Дарья Павловна сказала:

— Вам действительно надо поскорее жениться, Максим. А то переедете на новую квартиру, кто вас кормить будет?

— А соседка?— удивился Максим.— Мы уже решили, что она будет жить у меня: в одной комнате — я, в другой — она.

Дарья Павловна начала смеяться.

— Что вы смеетесь?— забеспокоился Максим. Дарья Павловна смеялась все больше и больше.— Ну что вы смеетесь, Дарья Павловна? Ну, Дарья Павловна!

Отсмеявшись, Дарья Павловна сказала:

— Ох, Максим, ну какой же вы нелепый человек! Институт дает вам отдельную квартиру, чтоб вы спокойно могли заниматься наукой. А вы перевозите туда свою соседку и устраиваете новую коммунальную квартиру. Да кто же так делает?

Максим насутился:

— А я не просил. Я говорил Игорю Васильевичу, что не надо мне никакой квартиры. Я вообще все умею делать сам: и стирать и готовить. Но когда работаю, я не могу отвлекаться!

— Да!— Дарья Павловна покачала головой.— Нет у меня слов!

— Я вам не нравлюсь, Дарья Павловна?— обеспокоенно заглядывая ей в глаза, спросил Максим.

— А зачем вам нужно, чтобы вы мне нравились, Максим? Вы же не барышня?— Дарья Павловна редко бывала жестокой, но сейчас она

чувствовала, что своей непосредственностью Максим создает какую-то опасную для нее ситуацию.

— А я влюблен в вас, — почти дерзко ответил он.

Дарья Павловна легко рассмеялась.

— Да будет вам, Максим, глупости городить! Отправляйтесь-ка в коридор, я буду спать укладываться.

И он послушно вышел за дверь.

Утром она встала рано, когда Максим и моряки еще спали. Натянула брюки, блузку, взяла сумочку с косметикой и отправилась в туалет.

Для женщины, которая, не накрасившись, не появляется перед людьми, путешествовать в поезде — сущая маета. Попробуй наложи ровно тон, намажь ресницы, когда вагон, раскачиваясь, то и дело подпрыгивает. Но Дарья Павловна мужественно справилась с этим делом, причесалась, подушила «шанелью № 5» волосы, брови и за ушами.

И когда Максим и моряки вышли из купе, они увидели Дарью Павловну, стоящую у окна, нарядную, со свежим, гладким лицом, с сигаретой, которая дымилась у нее в пальцах. Дарья Павловна курила редко, по утрам никогда, но сегодня на душе у нее было неспокойно, и это была уже третья сигарета.

На конференции они с Максимом почти не общались, потому что для Дарьи Павловны на этих совещаниях важны были не только доклады и сообщения, которые она слушала. Не менее важными были для нее и кулуарные встречи, разговоры с учеными, на которые в обычные дни трудно выкроить время. И, кроме того, хотя Максим заведовал лабораторией в руководимом Дарьей Павловной институте, не совсем удобно было ей, женщине, ходить постоянно рука об руку с молодым мужчиной. Репутацию свою она берегла пуще глаза. Однако, не видя Максима, она постоянно ощущала его где-то рядом, все время чувствовала его взгляд.

Уже много лет, пятнадцать—двадцать, Дарья Павловна уже и не помнила, сколько, но с тех пор, как ее бросил летчик Киреев, она, довольно драматично пережив это событие, обрекла себя на одиночество. С тех пор не было рядом с ней ни одного мужчины, который бы заботился о ней, оберегал ее, помнил постоянно, что она есть. Может, кто-то и помнил, да Дарья Павловна этого не знала.

Киреев был самой черной страницей ее жизни. Когда Дарья Павловна развелась со Степаном, она, конечно, не думала о новом замужестве, но и возможность его для себя теоретически не исключала. С Киреевым она познакомилась в доме отдыха, он бурно влюбился в нее, и она, кажется, тоже. Они встречались несколько месяцев, а потом он стал звонить все реже, ссылаясь на занятость, и, наконец, исчез совсем. Она страдала, особенно страдало ее самолюбие, потому что Дарья Павловна вряд ли любила Киреева по-настоящему

Тогда она никак не могла понять, почему Киреев ее бросил. Впрочем, и сейчас не понимала. Но теперь Дарью Павловну это совершенно не интересовало, она сейчас уже смутно помнила этот свой роман: как Киреев волновался, что она чихнула или кашлянула, как бегал в аптеку, приносил картошку, цветы, конфеты, дарил какие-то платки, духи, бог знает что дарил, лишь бы порадовать ее!

Вечера во время конференции у Дарьи Павловны были заняты: она ужинала с коллегами, и это было продолжение кулуарных встреч, где велись в основном ученые и деловые разговоры. Максим тоже присутствовал на этих встречах. Неожиданно для себя Дарья Павловна обнаружила, что Максим прекрасно умеет себя вести, остроумен, разносторонне образован и что в любой компании он быстро становится душой общества. Иногда она ловила его вопрошающий взгляд. «Я такой? Я нравлюсь вам?» — читала она в его глазах и быстро опускала ресницы.

Иногда после ужина он заходил к ней в номер выпить чашку кофе, и они продолжали одинаково интересны для обоих разговор о делах. Но порой, глядя на нее, Максим вдруг терял нить мысли и смолкал.

— Ну, что с вами? — сердилась Дарья Павловна.

— Ничего, — отвечал он. — Так на чем же я остановился? Ах, да...

Однажды, после того, как она поговорила по телефону с сыном, он спросил:

— Вы замужем, Дарья Павловна?

Дарья Павловна на мгновение потеряла дар речи. О чем он спрашивает ее? Да ведь весь институт знает, что Дарья Павловна давно разведена и что Дарья Павловна...

— Это звонил ваш муж? — настойчиво спросил Максим.

Дарья Павловна молча покосилась на него, чуть заметно усмехнулась.

— Это звонил мой сын.

— А где ваш муж?

— Не знаю, — медленно сказала Дарья Павловна. Давненько ей не приходилось отвечать на такие вопросы. — Вам не кажется, Максим, что вы чересчур любопытны...

— Нет, — ответил он. — Просто я ничего о вас не знаю.

— А зачем вам знать?

— Ну, вы вот обо мне все знаете?

— Это просто в силу обстоятельств.

— А вам неинтересно?

— Вообще-то я любопытная, поэтому мне все интересно.

— Я тоже любопытный... Но вы — не все! Почему вы не хотите сказать? Вы не любите своего мужа?

— Липучка! — с сердцем сказала Дарья Павловна. — Никого я не люблю. И с мужем развелась так давно, что уже не помню, любила

я его или нет. И вообще, Максим, нехорошо приставать к старой женщине.

Максим не ответил.

Обычно, когда Дарья Павловна говорила, что она старая женщина, это значило, что она вовсе не думает так о себе, иначе бы ни за что в жизни она таких слов не сказала. И на такие ее слова всегда был ответ: «Да помилуй бог, Дарья Павловна, какая вы старая!» Эти ее слова были как манок на комплименты, до которых она, по правде говоря, была охоча. И поэтому Дарья Павловна была обескуражена молчанием Максима. Значит, он действительно считает ее старой? Как ни пыталась Дарья Павловна доказать себе, что ей безразлично отношение к ней Максима, на самом деле это было вовсе не так, она все больше поддавалась очарованию его и как человека, и как мужчины, и, наконец, как ученого.

Максим же не отвечал вовсе не потому, что он согласился с Дарьей Павловной, что она старая женщина. Скорее он даже не услышал этих слов. Его вообще не интересовал возраст Дарьи Павловны! Его поразило другое: она сказала «нехорошо приставать». В этом было что-то унижительное для него. Разве он совершил хоть что-нибудь обидное для Дарьи Павловны? Ну, спросил про мужа... Но он так мало знает о ней, о ее личной жизни, а ему хочется знать все, вдруг он может хоть чем-то помочь ей, послужить...

Да, там, в Москве, он влюбился в нее на чьем-то юбилее, когда, закончив наконец свою диссертацию, он из стен лаборатории и своей холостяцкой комнаты вылез на белый свет и увидел, что мир прекрасен.

Да, он, конечно, и до этого знал Дарью Павловну, заместителя директора института, красивую, элегантную, насмешливую женщину; встречался с ней на заседании ученого совета и на других заседаниях; читал ее труды, слушал ее блистательные доклады, уважал ее как ученого.

Но тогда, на юбилее, перед ним явилась Дарья Павловна совсем иная — женственная, праздничная, веселая, остроумная. Он танцевал с ней и вдруг увидел ее глаза, лукавые, женские, он обнимал ее талию, тонкую, гибкую, ее волосы щекотали его щеку, и, когда они кончили танцевать, она ласково, кончиком пальца дотронулась до его носа и сказала:

— Спасибо, Максим! Давно танцы не доставляли мне такого наслаждения. Вы великолепный партнер. Все остальные, фу, медведи!

Они танцевали потом еще и еще, и тогда он вдруг понял, что вот наконец встретил женщину, в которой ему нравится решительно все. Конечно, он не раз влюблялся за свои тридцать семь лет. Но вскоре разочаровывался, потому что был слишком привержен своей науке, а та, которую он мог полюбить, должна была понимать то главное дело, которому он себя посвятил.

Он не рассчитывал на взаимность. Уже то, что Дарья Павловна существует, наполняло его жизнь радостью. Но она сказала «нехорошо приставать», а это значит, что он надоедлив и противен.

Максим поднялся и пошел к двери. Дарья Павловна озадаченно смотрела ему вслед.

— Куда вы, Максим? Да стойте же! Что с вами?

Он повернул к ней растерянное лицо, и Дарья Павловна увидела в его глазах страдание. Она подбежала к нему, взяла за руку, как маленького, подвела к креслу, усадила. Ах, зачем, зачем она бросила эти дурацкие слова «старая женщина»! Дарья Павловна искренне страдала. Как истая женщина, она верила в магию слов.

— Дарья Павловна, — с трудом сказал Максим, — почему вы сказали, что я пристаю к вам?

— Я? — изумилась Дарья Павловна. — Я сказала, что вы пристаёте ко мне? Когда? — И вдруг, все поняв, расхохоталась.

Она присела на ручку кресла. Локоть ее опирался о плечо Максима, и русые волосы его были так близки от ее ладони, что она не удержалась и потрепала их.

— Дурачок! Вы совершенно неправильно поняли меня!

Ее близость, запах ее духов пьянили Максима, голова кружилась, и он опустил ресницы, пушистые, как у девочки. Дарья Павловна гибко склонилась к нему и поцеловала в закрытый глаз.

Максим притянул ее ладонь к губам и зашептал в эту ладонь:

— Дарья Павловна, бросьте все! Выходите за меня замуж!

Она потихоньку освободила из его рук свою, подошла к окну и стала глядеть на пустынную в этот час площадь. Максим встал с ней рядом. Оба молчали.

Нельзя сказать, что Дарье Павловне часто делали предложения. Не часто, но три-четыре раза за ее жизнь делали. Но никто никогда не делал это с таким пылом, с каким это сделал Максим. Она чувствовала, что сердце ее переполняется нежностью к нему, и она панически боялась этого чувства, потому что понимала, что, подчинившись ему, она перестанет быть той Дарьей Павловной, которую она сама из себя сотворила и в качестве которой уверенно шествовала по жизни. А вот каково будет той Дарье Павловне, иной, она не знала... И боялась этой неизвестности.

Дарья Павловна, профессор, заместитель директора института, здравомыслящая Дарья Павловна должна была бы сейчас отослать Максима спать, сказав: «Перестаньте говорить глупости, Максим!» Но в Дарье Павловне, несмотря на все ее старания, еще теплилось женское начало, которое нельзя задуть никакой эмансипацией, никакими научными степенями, никакими высокими административными постами. И оно, это женское начало, запретило Дарье Павловне рассуждать, подняло ее руки и положило на плечи Максима, приблизило ее губы к его губам.

Дарья Павловна шепнула:

— А теперь идите спать, Максим! — И впервые без бравады просто пожаловалась: — Я что-то ничего не соображаю!

Дарья Павловна уезжала в субботу вечером, а Максим оставался на несколько дней, у него были еще дела в Академии наук. Дарья Павловна сначала намеревалась уехать в пятницу, но Максим сказал:

— Вы же велели мне взять побольше денег и обещали помочь купить разные штучки в квартиру.

— Разве? — притворно удивилась Дарья Павловна. По правде говоря, Дарье Павловне не очень хотелось бы, чтоб Максим забыл этот ее совет, но все дни он ничего не говорил, и она с огорчением решила: все-таки забыл. — А зачем вам эти штучки, раз вы все равно устроите себе коммунальную квартиру?

— Вы обещали, — упрямо повторил Максим.

Они бродили по магазинам и салонам, осматривали вазы, картины, ковры, подсвечники, но Дарья Павловна, обладавшая весьма изысканным вкусом, ни на чем не могла остановить свой выбор. Она не умела покупать вещи вообще, она должна была покупать к чему-то или для чего-то.

— Дарья Павловна, ну давайте наконец что-нибудь купим, — взмолился Максим. — Ну хоть эту картину!

— Не знаю, — задумчиво ответила Дарья Павловна. — А куда ее повесить? Вы же не представляете, какая у вас будет мебель, какие обои...

— Вы придумаете, куда повесить!

— Нет, Максим, она какая-то зеленая... Зеленый цвет опасный! Если у обивки будет другой оттенок, они убьют друг друга...

Они вернулись, так ничего и не купив, кроме маленькой керамической вазочки для цветов. Дарья Павловна нашла, что она столь не выразительна, что ничего не сможет убить.

Максим смеялся.

— Дарья Павловна! Вы удивительная! Мне бы никогда не пришла в голову мысль купить вещь именно за ее невыразительность!

— Когда вы поживете с мое, — строго сказала Дарья Павловна, — вам много что придет в голову.

Максим помрачнел.

— И нечего мрачнеть, — так же строго продолжала она. — Оттого, что ты воображаешь, что я твоя ровесница, я все равно ею не стану.

Они вошли в номер. Дарья Павловна сняла шляпу и положила ее на стул. С некоторых пор она стала носить шляпы, они создавали некоторую импозантность. Дарья Павловна приучала себя постепенно к импозантному стилю, потому что понимала, что надвигающиеся годы не позволят ей еще долго придерживаться столь дорогого ей полуспортивного стиля.

Максим остался стоять у двери.

— Зачем вы сказали мне «ты»?!

Поправляя у зеркала волосы, она полуобернулась к нему.

— Вы, Максим Максимович, кажется сделали мне предложение?

— Вы еще не ответили мне на него! — И вдруг рванулся к ней. — Вы согласны?

— Сядем, — степенно сказала Дарья Павловна, — поезд через два часа, а нам есть что обсудить...

Однако она не имела ни малейшего представления, что им следует обсудить. Она знала одно: она любит Максима, и это последняя в ее жизни любовь. Больше она никого не полюбит. Она чувствовала и то, что Максим ее любит, но будет ли она его последней любовью, этого Дарья Павловна не знала. И еще: как не вычисляла она, но если из сорока пяти вычесть тридцать семь, получалось восемь. И ни единицы меньше.

Дарья Павловна всегда хорошо умела считать, из разрозненного умела создать единое, единое гармонично расчленив. Но сейчас Дарья Павловна ничего не могла сосчитать, и поэтому она молчала.

Максим смотрел на нее, и в его глазах стояло испуганно-вопросительное выражение, которое у него появлялось тогда, когда он начинал бояться решений Дарьи Павловны.

— Ну что вы молчите? — вдруг рассердилась Дарья Павловна.

— Ты любишь меня? — тихо спросил Максим. И тихий его голос прозвучал в ушах Дарьи Павловны, как колокол.

— Ну и что из того, что люблю! — закричала Дарья Павловна. — Через десять лет я буду пенсионерка, и ты бросишь меня, потому что сорокасемилетнему мужчине не подобает иметь жену-пенсионерку. — Она вдруг сникла, а потом тихо добавила: — И я не могу стать вашей любовницей, Максим Максимович, потому что как-никак я ваш начальник. А это будет неэтично, опять же из-за разницы наших возрастов.

И тут Дарья Павловна впервые за много лет заплакала, некрасиво хлюпая носом и кулаком размазывая по лицу тушь с ресниц. Максим вытащил носовой платок и стал утирать ей слезы.

— Ну не надо, не плачь. Я люблю тебя... Годы — вздор, мужчины умирают раньше.

Тут Дарья Павловна тихо начала смеяться.

— Ой, дурачок, ну и дурачок...

Она сидела перед ним, морща лицо от слез и смеха, такая домашняя, настоящая, какой редко кто видел эту женщину, одиноко жившую в своей однокомнатной квартире. И он любил ее, заплаканную и совсем немолодую женщину. Вот так случилось, что полюбил именно ее, а не другую. Что делать, раз он запоздал родиться или она поспешила? Разве это повод не дать зажечься счастьем? Так он думал.

А Дарья Павловна, увидев измазанные тушью руки, взглянула в зеркало и, ахнув, убежала в ванную.

Через несколько минут она вышла, спокойная, со свежим лицом и аккуратной прической.

— Вот что, Максим, — сказала Дарья Павловна, — все это очень не просто... Мне слишком трудно изменить свою жизнь. Есть десятки «за» и «против».

— Нельзя рассуждать, как счетная машина, — заметил Максим.

— Приходится...

— Есть главное «за» — это то, что мы любим друг друга!

— Сегодня любовь — это главное «за», а завтра она, может статься, будет главным «против»?

Максим осторожно поцеловал ее в висок.

— Нам пора. По дороге я на секунду заскочу к себе в номер.

Из номера он вышел, неловко держа в руке букет роз на очень длинных стеблях. Дарья Павловна улыбнулась.

— И нечего улыбаться! Все правильно. Провожающие дарят цветы отъезжающим...

У Дарьи Павловны билет был в спальный вагон в двухместное купе. Максим ревниво огляделся:

— Не хватало, чтобы здесь ехал еще какой-нибудь франт.

— Франта я не пущу, — миролюбиво сказала Дарья Павловна.

Она не предполагала, что Максим ревнив. Это было еще одно «против», ведь Дарье Павловне чаще всего приходилось иметь дело с мужчинами.

Но в купе так никто и не пришел.

— Может быть, повезет и останусь одна, — мечтательно сказала Дарья Павловна.

— Не повезет. Я невезучий.

Но ей повезло. Поезд тронулся, набрал скорость, миновал предместье Риги, а Дарья Павловна так и осталась одна со своими радостями и печалью. Утром, когда она придет домой, дела закружат ее и некогда будет основательно решить вопрос, так странно и неожиданно вставший перед ней, решить судьбу Максима и свою. Скорее свою. А разве судьба Максима ей безразлична?

В дверь постучали. Вошел проводник.

— Ужинать будете?

Дарья Павловна вздохнула.

— Ну что ж! Пожалуй, буду. А чем вы можете накормить?

Он перечислил блюда.

— Салат, бифштекс, минеральная вода. — И, помедлив, добавила: — И дайте мне сто граммов коньяка.

«Старая дама путешествует», — усмехнувшись, подумала Дарья Павловна, оглядев накрытый стол. Взяла графин, плеснула в рюмочку коньяк и выпила. Тепло разлилось по телу. Она закрыла глаза,

представила себе, как она зайдет в кабинет Попова и скажет: «Вообразите, Игорь Васильевич, я вышла замуж». «Вы? — удивится директор. — За кого?» «За Туманова». У него откроется от изумления рот, а Дарья Павловна пойдет прочь из кабинета. А потом она позвонит Скудаеву и скажет: «Вообразите, выяснилось, что мне все-таки нужен муж!»

«Фу, какая чепуха лезет в голову, — подумала Дарья Павловна, — это коньяк виноват». Она попыталась реально оценить свое будущее. Она, вот уже много лет живущая одиноко, со своими привычками, которые ей, человеку немолодому, трудно менять, сможет ли она их изменить, если Максим их не примет? А каковы его привычки? Много лет все, что касается ее, она решает сама... Сможет ли она мириться с тем, что ее решения кто-то будет корректировать? Вряд ли! Но тут перед взором Дарьи Павловны встало лицо Максима, то твердое и решительное, то испуганно-вопросительное, и она почувствовала, как сжимается от нежности и сострадания к нему ее сердце. Нет, Дарья Павловна совершенно не понимала, что с ней происходит, и не могла сейчас принять абсолютно никакого решения. Ей просто хотелось думать о Максиме Максимовиче Туманове.

Дарья Павловна выпила еще одну маленькую рюмочку коньяка, откинувшись на спинку дивана.

Поезд вез ее домой, навстречу совершенно неизвестному будущему...

ЧЕЛОВЕК НА ПЕНСИИ

День кончался. Он был так же однообразен и бессмыслен, по сути, как и многие предыдущие, потому что Анна Ивановна не прожила его, а просто просуществовала. Готовила себе еду, мыла посуду, ела, пила, и никому на свете не было пользы от ее дел. Раньше, в другой жизни, Анна Ивановна, как к величайшей ценности относилась к своему времени, берегла не только часы, но и минуты. Раньше Анна Ивановна, вымыв тарелку, никогда не позволяла себе вытирать ее, просто клала на сушку. Вытирать? Пустая трата времени. Сама высохнет! Теперь же вымытую посуду она долго терла чистым, мягким полотенцем, пока та не начинала сверкать. Она теперь не сэкономила не только минуты, но и часы.

На ужин Анна Ивановна приготовила себе оладьи. Она тщательно вымешала тесто, и оладьи получились румяные, пышные, просто таяли во рту. Но Анна Ивановна ела их, не испытывая особого удовольствия.

— Мука стала хуже, а молоко порошковое, — произнесла она вслух. И, сказав так, рассмеялась. Нет, не над тем, что разговаривала сама с собой. А с кем же еще разговаривать пенсионерке, одиноко доживающей свой век? Просто Анна Ивановна вспомнила старого Джолиона из книги Голсуорси, который ворчал, что в пору его молодости и вино было ароматнее и женщины красивее. «И я, как старый Форсайт, — подумала Анна Ивановна, — ворчу. Лизавете бы эти оладьи». Внучка ее была большая любительница вкусно поесть. Анна Ивановна с удовольствием отвезла бы Лизавете оладьи, но дочь категорически отказывалась от ее помощи.

Выпив чаю, Анна Ивановна тщательно помыла посуду, тщательно вытерла и убрала в шкафчик. Поглядела на часы, стрелки показывали половину восьмого.

Анна Ивановна пошла из кухни в комнату, которая в ту пору, когда дети жили с ней, называлась столовой и где теперь не было даже обеденного стола, а стоял низенький журнальный. Сейчас эту комнату скорее можно было бы называть телевизионной. Анна Ивановна приходила сюда только для того, чтобы посидеть у телевизора да еще прибраться. Спала она в другой комнате.

Включив телевизор, Анна Ивановна поудобнее устроилась в кресле. Через несколько минут должен был начаться многосерийный фильм, который показывали уже третий день. Анна Ивановна любила многосерийные кинокартины, они давали пищу для размышлений о том, что будет дальше. Это позволяло думать о будущем и, главное, занимало время. А его, как мы уже заметили, у Анны Ивановны было недостаточно. Уже четвертый год она была на пенсии.

Начало фильма Анна Ивановна ждала с нетерпением, потому что за сегодняшний день придумала свою версию развития событий и ее, кроме всего прочего, интересовало, угадала она или нет. Обычно ее предположения были правильны, и это радовало. Хотя радоваться в общем-то было нечему, так как чаще всего причина была не в проицательности Анны Ивановны, а скорее в банальности мышления сценаристов. Анна Ивановна, конечно, догадывалась об этом, но не огорчалась. Главное, что у нее возникала возможность жить чьими-то судьбами. А это для человека, у которого нет ни забот, ни занятий, ни конкретных целей, чрезвычайно важно.

Сегодня предположения Анны Ивановны не подтвердились. В первых сериях инженер завода представился ей героем положительным. Она ожидала, что он сумеет разрешить конфликт, назревший между другими действующими лицами. А он вдруг повел себя как человек жесткий и несправедливый.

Хотя Анна Ивановна и не угадала, как повернутся дела, тем не менее в главном инженере она увидела что-то знакомое. Она силилась вспомнить, на кого он похож, и не могла.

Посмотрев программу «Время», Анна Ивановна выключила телевизор и, как обычно, позвонила по телефону дочери. Вот эти вечерние разговоры с Майей были самым приятным временем дня.

Майя никогда не доставляла матери хлопот, не то что ее младший брат Вова, с которым, пока он не женился, постоянно происходили какие-нибудь неприятности. Разница между детьми Анны Ивановны была всего в три года, Вова родился в сороковом. Когда началась война, Анна Ивановна сутками не выходила с завода, и на Майю легли многие взрослые обязанности. Может быть, поэтому она была сизмальства серьезной. Сейчас Майе шел сорок третий год, а ее дочери Лизавете двадцать второй.

Анна Ивановна страстно желала, чтоб Лизавета поскорее вышла замуж и родила. Тогда, надеялась Анна Ивановна, ее вынуждены будут призвать в няньки, и жизнь снова обретет смысл. Но, увы! Лизавета не торопилась радовать бабушку. По молодости лет она не понимала, что лишь желания питают волю и что если б Анна Ивановна не имела тайной цели вынужить правнука и тем самым снова стать полезной людям, то жить бы ей стало совсем плохо, она потеряла бы волю к жизни. Это ведь только кажется, что отдых человеку в радость. В радость, когда у отдыха есть предел. Однако не

тот, что приходит с концом жизни человека. Но Лизавета ничего этого, к сожалению, не знала, впрочем, и Майя не задумывалась об этом. Отдыхать по-настоящему ей удавалось не часто, и поэтому понятие «отдых» для нее сродни было понятию «праздника». Кстати, у слов «праздник» и «праздность» общие корни...

Разговор Анны Ивановны с Майей, как всегда, был ни о чем. Анне Ивановне нечего было рассказывать дочери, так как в течение дня в ее жизни не произошло никаких событий. В Майиной семье день тоже прошел обыкновенно. Единственной новостью было то, что Лиза подхватила насморк.

— Насморк? — встревожилась Анна Ивановна. — А температуру мерила?

— Температура нормальная, — ответила Майя.

— Ты знаешь, Майя, — сказала Анна Ивановна, — я недавно слышала, что в таких случаях надо положить в ноздри маленькие кусочки сливочного масла. На ночь...

— Ой, мамочка, — засмеялась Майя. — Ну, что ты слушаешь глупости! И потом, неужели ты думаешь, что Лизавета позволит мне совать ей в нос масло? Ничего! Все обойдется! Просто она вчера у подъезда целый час с однокурсником простояла. А погода сырая.

— Что-нибудь серьезное? — спросила Анна Ивановна, имея в виду однокурсника. Но Майя не поняла ее.

— Ничего серьезного. Все обойдется. Не волнуйся. Как ты сама себя чувствуешь?

— Обыкновенно. Что мне делается? Оладьи пекла. Телевизор смотрела. Ты смотрела?

— Что ты, мамочка! Когда мне его смотреть? Весь вечер тетрадки проверяю. Обед варила...

— Может, мне все-таки приехать к тебе завтра, помочь в чем-нибудь...

— Ни в коем случае, мамочка. Мы прекрасно справляемся. Ты же знаешь, и Саша и Лизавета мне всегда помогают...

— Как хочешь, — уныло произнесла Анна Ивановна. — Ну, спокойной ночи, Майечка. Привет твоим. Не буду больше тебя задерживать.

— Спокойной ночи, родная, — услышала она в ответ и положила на рычаг трубку.

Нет, ничего не понимала Майя, твердо убежденная, что мать достаточно наработалась за свою жизнь и теперь должна отдыхать. Она была считала себя дрянной дочерью, если б стала эксплуатировать мать. А Майя была хорошей дочерью, даже образцовой. И это отмечали все, кто знал их семью.

Даже в трудную пору первых лет замужества, пока Лизавета не пошла в детский сад и Майя с мужем жили у Анны Ивановны, она старалась как можно меньше обременять мать. Майя впрягла в хозяйственные заботы мужа, и тогда Анна Ивановна была

благодарна дочери, что она не в пример другим не посадила всю свою молодую семью на шею матери. Но тогда положение было иным, Анна Ивановна работала, и Вова требовал постоянного внимания; то он учиться бросал, то в компанию плохую попадал. Только когда женился на Лиде, остепенился. Анна Ивановна, зная характер сына, не очень верила в прочность этого брака, но, к счастью, ошиблась. Вова с Лидой живут уже пятнадцатый год и живут прекрасно. Она подозревала, что именно Лида благотворно влияла на Вову, уважала ее, но любить... нет, любить она ее не любила. Анна Ивановна не могла объяснить себе, почему не любила невестку, впрочем, и не стремилась докопаться до сути. А если б докопалась, то поняла, что в основе ее нелюбви лежит самая обыкновенная ревность. Но Анне Ивановне не очень нравилось обнаруживать в себе столь низменные чувства, в них было что-то постыдное, а она была горда.

Лиде, конечно, чувствовала отношение к себе свекрови, хотя внешне это никак не проявляла. Просто общалась с ней лишь тогда, когда нельзя было не общаться. Помощи от нее никогда никакой не просила и свою тоже не предлагала.

Анна Ивановна переоделась в ночную рубашку, умылась, почистила зубы, расчесала на ночь волосы.

Вытанувшись в постели, взяла с тумбочки книгу, раскрыла ее и вдруг вспомнила, на кого был похож главный инженер из телефильма, который она сегодня смотрела. На начальника главка Владимира Петровича Королькова он был похож. Последнего ее начальника. И не внешностью, а сутью своей.

Похоронную на мужа Анна Ивановна получила 10 мая 1945 года. К тому моменту она уже поверила в чудо, что Петр живой и невредимый вернется с войны. Ведь ему все эти годы везло, ни одна пуля даже не царапнула. Тем горше был удар. Но ради детей надо было жить, и она стала жить. Анна Ивановна была детдомовкой, и на всем белом свете никого у нее не было, кроме Петра и детей.

Судьба не предусмотрела для Анны Ивановны легкой жизни. Впрочем, и трудности были относительны: они были прямо пропорциональны тому, как жила страна. Жизнь Анны Ивановны делилась на несколько периодов. Время, проведенное в детдоме, можно назвать «борьбой за существование». Пять лет с Петром укладывались в одно слово — «счастье». Потом была война, а после гибели Петра снова наступили трудные годы «борьбы за существование». Они окончились где-то в середине пятидесятых, когда выросли дети, когда из десятиметровки переехали в эту вот двухкомнатную квартиру и Анну Ивановну пригласили заведовать отделом в министерстве. Финансовое положение семьи стало таким, что появилась возможность отменить тот жесточайший режим экономии, которого

Анне Ивановне приходилось держаться с тех самых пор, как она себя помнила. Началась нормальная жизнь, а скорее даже хорошая.

Но вот как назвать последний, пенсионный период жизни Анны Ивановны, который в газетных заметках называют «заслуженный отдых», я не знаю. Слово «отдых» меня здесь несколько смущает.

Одним из счастливейших дней у Анны Ивановны был тот, когда ее наградили орденом «Знак Почета». Она чрезвычайно гордилась этим признанием своих заслуг. Если бы это было принято, она носила бы орден ежедневно, но, к сожалению, награды нынче почему-то предпочитают хранить дома в коробочках. Анна Ивановна была убеждена, что это неправильно. Юность ее прошла в тридцатые годы, когда слово «орденоносец» определяло очень многое. Еще с той поры самой большой ее мечтой было получить орден.

В эти годы все складывалось у Анны Ивановны ладно. Работа доставляла ей удовлетворение. Дети устроены, растут внуки. К вторичному замужеству она никогда не стремилась. Сначала слишком остро переживала гибель Петра, а потом уж и молодость прошла. Она жила без особых загадов на будущее, потому что настоящее ее было осмысленно и плодотворно. В пятьдесят пять лет она чувствовала себя прекрасно, и, когда некоторые ее сверстницы заговаривали об уходе на пенсию, Анна Ивановна несколько удивлялась их желанию. Она не собиралась следовать их примеру, надеясь работать до тех пор, пока будут силы и позволит здоровье. Впрочем, иногда она любила помечтать о том времени, когда оставит работу. Случалось это, как правило, когда дома скапливались разные хозяйственные дела, требовавшие ее присутствия дома или поездок в рабочее время в ателье или мастерскую. Тогда Анна Ивановна думала о том, далеком, естественно, времени, когда она будет совершенно свободна. Но реализовать свои возможности не спешила. В конце концов вызвать мастера починить телевизор можно и в субботу, а заехать в ателье после работы.

Как-то в переполненном утреннем троллейбусе она встретила приятельницу еще довоенных лет. Валерия Аркадьевна была старше Анны Ивановны лет на десять, но держалась бодро. Старуха, пыхтая, карабкалась по ступенькам троллейбуса, держа в обеих руках объемистые хозяйственные сумки. Человек, сидевший рядом с Анной Ивановной, уступил ей место.

— Лера, — воскликнула Анна Ивановна, — вот встреча! Сто лет с тобой не виделись. Как живешь?

Валерия Аркадьевна неопределенно пожала плечами.

— Живу! А ты ничуть не меняешься.

Анну Ивановну и впрямь молодила пушистая шапочка из светлого песка и ладная шубка из каракулевых лапок. Тем не менее она смущенно улыбнулась:

— Ну, уж скажешь!

— На работу едешь? Все там же, в министерстве?

— Все там же,— кивнула головой Анна Ивановна.— А ты куда в такую давку. Ты ж на пенсии...

— Э! — махнула рукой Валерия Аркадьевна.— Мне какое расписание они скажут, такое и выполняю. Как солдат!

У Анны Ивановны даже рот немного приоткрылся от удивления. Кто это распоряжается так Валерией Аркадьевной? Насколько она знала, сын ее был чуть ли не генерал, и пенсию она получала приличную.

— Кто они? — спросила Анна Ивановна.

— Ну, кто! Известно кто! Сноха с внучкой. У внучки второй ребенок родился. А сноха еще работает, поэтому я помогаю. Сейчас вот продукты купила, приеду обед приготовить надо, пеленки постирать. Дел хватает. Далековато только ездить — тремя троллейбусами. Ну, ничего, в журнале «Здоровье» пишут, что старикам полезно гулять, вот я и гуляю в трех троллейбусах. И она засмеялась.

Анна Ивановна глядела на старинную подругу во все глаза. Перемена, происшедшая с ней, была столь разительна, что просто не укладывалось у нее в голове. Она помнила Валерию Аркадьевну, всегда тщательно одетую, тщательно причесанную, не очень-то любившую затруднять себя для других. Недруги Валерии Аркадьевны говорили, что «на нее где сядешь, там и слезешь». Конечно, одежда она сейчас была хотя и не с прежним блеском, но вполне аккуратно. На голове оренбургский платок, пальто хоть и не модное, сшитое, видимо, давно, но из дорогого материала, которого время словно бы не коснулось. Только руки, руки никак не вязались с привычным обликом Валерии Аркадьевны, опухшие, красные, со сбитыми ногтями, руки женщины, которая много работает физически.

— А почему ты продукты через весь город тащишь? Там магазинов-то нет разве? — продолжала удивляться Анна Ивановна.

— Мне так удобнее. Я к открытию подойду, народу немного. Я сразу все возьму. А пока до них доеду, в магазинах уже знаешь что делается будет? А я в очередях очень раздражаюсь.

— Так тяжело же...

— Ничего,— коротко вздохнула Валерия Аркадьевна.— Своя ноша, как известно, не тянет... Привыкла. Да и силенками пока бог не обидел.

— А почему же у них не поживешь это время?

— Не хочу. Мне надо самой себе хозяйкой побыть. А то совсем как личность утрачусь,— улыбнулась Валерия Аркадьевна. Она всегда любила насмешничать, не делая исключения из себя.— Ты про себя Расскажи. Как Майя, Вовка?

Анна Ивановна отвечала несколько рассеянно, потому что в ее сердце росла шемаящая жалость к этой старой женщине, которая в ранний час через весь город в переполненных троллейбусах везет

тяжеленные сумки с продуктами для молодых и здоровых людей. «Какой эгоизм, какая жестокость!» — думала она и радовалась, что ее дети никогда не допустили бы такого отношения к своей матери.

Об этой встрече Анна Ивановна рассказала Майе, и они обе еще долго жалели бедную Валерию Аркадьевну.

— Нет, мамочка, — решительно сказала тогда Майя, — ты на пенсии будешь отдыхать и жить в свое удовольствие. Твой подвиг в прошлом, когда ты одна нас растила.

— Я не собираюсь пока на пенсию, — заметила Анна Ивановна, — здоровье у меня хорошее, работа интересная...

— Смотри сама, мамочка, — ответила Майя.

Но дальнейшие события показали, что Анне Ивановне не было дано самой распоряжаться своей судьбой. Внезапно умер от инфаркта Иван Иннокентьевич, начальник главка, в котором работала Анна Ивановна и который в свое время пригласил ее в министерство. Смерть его Анна Ивановна переживала как личное горе. Она знала его больше двадцати лет и ценила не только как хорошего руководителя и специалиста, но и как сердечного человека. Добрый микроклимат их коллектива в какой-то степени зависел от личности Ивана Иннокентьевича.

После короткого периода безвластия, когда сотрудники гадали, кто из замов сядет в опустевшее кресло, начальником был назначен, как это стало в последнее время модным, человек со стороны, Владимир Петрович Корольков. Именно на него и был похож, как теперь вспомнила Анна Ивановна, герой телефильма. Внешне, конечно, он похож не был. Но так же, как и герой телефильма, Корольков очаровал весь коллектив главка. Он был, во-первых, непривычно демократичен. Иван Иннокентьевич, например, никогда не ходил по комнатам сотрудников. Ценил свое время, он вызывал людей к себе. Доступ к нему в кабинет в основном имели только заведующие отделами и в некоторых случаях заместители заведующих и то после доклада секретарши. Корольков запретил секретарше допрашивать кто и зачем к нему идет. Двери его кабинета были открыты для всех и в равной степени. Это было ново и это нравилось.

Обедать Корольков ходил не в спецбуфет, как это делали другие руководители, а в общую столовую, демократично стоял в очереди, подсаживался за столы к рядовым инженерам, не скупился на комплименты молоденьким секретаршам и машинисткам.

Прежде Корольков был директором крупного завода в Сибири, и в Москве его знали мало, но он приглянулся заместителю министра, когда тот был в командировке, и потом, когда приезжал в столицу.

Единственным недостатком, который единодушно все признавали у Королькова, была его молодость. Владимиру Петровичу шел тридцать седьмой год. Корольков охотно признавал этот недостаток и шутливо обещал в будущем исправиться.

У Анны Ивановны к Королькову было двойное чувство. С одной стороны, она видела, что дело он знает, а что не знает, быстро познает.

По кабинетам и в столовую он ходил вовсе не потому, что был компанейским парнем, а потому, что понимал, что справки и отчеты — это одно, а живой разговор или спор с человеком — совсем другое.

Это Иван Иннокентьевич, чуть ли не полвека проработавший в министерстве, не нуждался в разговорах и из любой справки мог вычитать и то, что там не было написано.

Но, с другой стороны, Анне Ивановне не нравилось панибратство Королькова и какая-то грубоватая прямота. Руководитель должен быть дипломатом, так она полагала.

Прошло некоторое время, люди привыкли к новому начальству. Корольков заметно сократил свои «походы в народ», а в столовую и вовсе перестал ходить: теперь обеды из спецбуфета носили прямо к нему в кабинет. Он вошел в курс дела, хотя двери его кабинета по-прежнему остались доступными для каждого сотрудника.

И тут добродушный, улыбчивый Корольков вдруг показал себя совсем неожиданно. Он заявил:

— Мне не нравится, как мы работаем. Плохо работаем. По старинке. Сегодня так нельзя. Рутин! Справки, отчеты, переписка — одно бумагомарательство! А дело движется туго. Положение на местах знаем плохо. Научными обоснованиями почти не занимаемся. Из восьми часов рабочего времени два уходят на перекуры и чаепитие. Я считаю, что все сотрудники до единого должны бывать на предприятиях. Понимаю, что ездить из своей квартиры в министерство приятнее и удобнее, но придется пожить в гостиницах и в общежитиях. Делом будем заниматься на местах, а не выуживать факты из бумажек.

Первая стычка у Анны Ивановны с Корольковым произошла из-за сотрудника ее отдела Метельникова, которому перевалило за шестьдесят. У него было нездоровое сердце и, кроме того, давно и тяжело болела жена, поэтому командировки для него были делом проблематичным. Однако Корольков распорядился, чтобы Метельников ехал в Душанбе. Было лето, и поездка на юг в эту жаркую пору не сулила Метельникову ничего хорошего. Анна Ивановна отправилась к Королькову.

— Владимир Петрович, — сказала она, — Метельникова нельзя посылать сейчас в Душанбе.

— Почему? — с любопытством спросил Корольков и, подняв голову от бумаг, стал глядеть на Анну Ивановну.

— Там жарко!

— Естественно! На дворе ведь лето.

— Он не молод. В его возрасте такие перепады температуры опасны...

— Что же вы предлагаете, Анна Ивановна?

— Метельников может поехать туда в октябре или в ноябре...
— Это поздно. Тогда пусть едет кто-нибудь другой.
— Вы же прекрасно знаете,— раздраженно сказала Анна Ивановна,— что ехать сейчас некому. Если б мне было кого послать, я не пришла бы к вам.

Корольков некоторое время молча смотрел на Анну Ивановну, потом спросил:

— Анна Ивановна, если это не секрет, скажите мне, сколько лет Метельникову?

— Шестьдесят два. Я думаю, вы знаете это не хуже меня, память у вас прекрасная.

— Знаю,— согласился Корольков.— Но лет ему много. Почему он не на пенсии? Сколько он получает? Двести? Ну что ж, пенсия будет вполне приличная. Пусть отдыхает. А мне нужны люди мобильные. Предложите Метельникову уйти на пенсию. Я возьму на его место молодого энергичного инженера.

— Я не стану этого делать,— возмущенно сказала Анна Ивановна.— Он полезный человек.

— Тогда пусть едет в командировку,— ответил Корольков и углубился в бумаги, давая Анне Ивановне тем самым понять, что предмет их разговора исчерпан.

Метельников в Душанбе не поехал, и Корольков объявил ему выговор, а Анне Ивановне замечание за то, что она не выполнила распоряжение руководства.

До сих пор имя Анны Ивановны Савиной фигурировало лишь в приказах с благодарностями. И вот теперь, на пятьдесят восьмом году жизни, она получила первое взыскание. Анна Ивановна была настолько потрясена, что даже не плакала. Хотя она понимала, что если Корольков взял курс на работу на местах, то Метельникову в отделе делать нечего. Но действовать такими методами? Это в понимании Анны Ивановны, воспитанной в традициях гуманного отношения к человеку, никак не укладывалось. Метельникова она считала ценным специалистом и полагала, что бросаться кадрами неэкономично. Она еще помнила годы индустриализации, когда каждый образованный человек был на вес золота.

Анна Ивановна через некоторое время снова пошла к Королькову.

— Владимир Петрович,— попросила она,— давайте поищем Метельникову работу посильную. Без командировок...

— Анна Ивановна,— ответил ей на это Корольков,— частная благотворительность в мои функции как начальника главка не входит. Я ведь не предлагаю выбросить его на улицу и оставить без куска хлеба. Я предлагаю ему уйти на отдых, который человек вполне заслужил.

Лицо Анны Ивановны стало покрываться красными пятнами. Она вспомнила, как Корольков сам о себе, правда, в шутку сказал, что он

«человек без изъянов». «Да, конечно, без изъянов,— подумала она,— если доброту и сострадание считать изъянами».

Она повернулась и, ни слова не сказав в ответ, молча пошла из кабинета. Корольков ее даже не окликнул.

За год Корольков полностью перестроил работу главка, и на совещаниях министр призывал следовать его примеру. Владимир Петрович добился также того, что все сотрудники пенсионного возраста или ушли, как он выражался, «на отдых», или перешли на работу в другие места. Осталась одна Анна Ивановна, которой исполнилось пятьдесят восемь лет. На здоровье она не жаловалась, работала с полной нагрузкой. Так же, как десять лет назад и двадцать. Но командировки все же ее утомляли, потому что это были не только поездки в другой город в удобном купе или на самолете и не только жизнь в комфортабельном номере гостиницы. Чаще всего ездить приходилось с пересадками, с томительными часами ожиданий на неудобных скамейках вокзалов и аэропортов. Порой приходилось жить в общежитиях, что для женщины в годах, конечно, было обременительно. Анна Ивановна постепенно все более склонялась к мысли, что долго так продолжаться не может и придется ей уходить на пенсию. Но мысль оставить работу все же ей претила, и она решала поговорить с Корольковым и попросить, учитывая ее возраст, не посылать в сложные командировки. Но, представив насмешливо-презрительное выражение на лице Королькова, передумывала. Иной раз она собиралась обратиться с этой просьбой к заместителю министра, он хорошо знал ее, уважал, и она надеялась, что не отказал бы, пошел навстречу. Но тут она снова вспоминала о Королькове, который вряд ли спустил бы ей эту акцию у него за спиной. «А, впрочем,— думала она,— заместитель министра может не захотеть вмешиваться в дела Королькова». Анна Ивановна мучилась и не могла принять никакого решения. Решил все случай.

Анне Ивановне надо было ехать в Пермь, но в это время ей поручили готовить вопрос для коллегии министерства. Анна Ивановна послала вместо себя сотрудника. Тот не очень хорошо разобрался в существе дела, поэтому из его отчета трудно было понять суть. Анна Ивановна не успела позвонить в Пермь и привести справку в надлежащий вид, как Корольков потребовал принести ему материалы. Через полчаса он вызвал к себе Анну Ивановну.

— Вы читали эту справку, Анна Ивановна?

Она кивнула.

— Но я не успела над ней поработать.

— Почему вы сами не поехали в Пермь?

— Мне же поручили готовить вопрос для коллегии...

— Плохо работаете...

— У вас нет оснований делать мне такого рода замечания, Владимир Петрович.

Корольков холодно посмотрел на Анну Ивановну. Работала она, конечно, неплохо, хотя, как ему казалось, надо бы лучше. Он вообще недобро думал о людях. Корольков был способный человек, любил работу, работал с полной нагрузкой, но был не бескорыстен, не умел отказываться от лишнего куска общего пирога, хотя старался делать это незаметно. Вот эту корысть, это желание получить побольше для себя, свойственное ему, он и подозревал во всех людях без исключения. Это и давало ему моральное право сказать человеку: работаешь плохо. Не верил он, что есть люди, которые умеют целиком забывать о себе и собственных интересах.

Анна Ивановна Королькову не то чтобы не нравилась, скорее он совестился ее. Она разбиралась в делах не хуже, чем он, и оба это знали. Королькову это было неприятно. Ему было бы удобнее, если бы на ее месте сидел какой-нибудь расторопный паренек. Он хотел быть первым в коллективе не только потому, что занимал первую должность, но и по сути. Он хотел быть первым и в знаниях. Старики ему мешали, их знания и опыт как бы противостояли ему. Он верил в свои силы, знал, что сумеет устроить все лучшим образом и без них. В сущности, он был прав. Мог он многое. Не мог одного. Не умел. Любить людей ему не было дано.

Анна Ивановна смотрела в его холодные глаза и, чувствуя, как растает в ее сердце обида за несправедливость к ней, неожиданно для самой себя спросила:

— Вы, наверное, хотите, чтобы я тоже ушла на пенсию?

— Я не ставлю так вопрос,— ответил Корольков. Анне Ивановне почудилась в его голосе скрытая радость.

В этот миг Анна Ивановна и решилась.

Безграничное количество свободного времени! В первый момент Анна Ивановна даже растерялась. Хотела поехать куда-нибудь отдохнуть, потом решила сначала сделать ремонт в давно запущенной своей квартире. Она жила еще старыми понятиями. Решила, что ремонт ее изматает и после него отдых будет кстати. Ей и в голову не пришло, что можно было сначала куда-нибудь поехать, потом сделать ремонт, а потом отдохнуть снова. По привычке она экономила время.

Это была какая-то сказочная вольница. Она ездила по хозяйственным магазинам, выбирала обои, краску, какие-то замочки, ручки к дверям. Ремонт она делала сама. Умела и потолок белить и обои клеить. Когда жила в постоянной нужде, всему научилась.

Работала она не торопясь, старательно, и месяца через два дом ее преобразился. Она и диван заново обила, и стулья, и кресла. Перечинила все, что требовало починки, короче говоря, привела в порядок все то, что постепенно запустилось в течение многих лет. Эту пору она прожила удивительно радостно.

Но вот был забит последний гвоздь, заштопана последняя дырочка. Наступил день, когда, выпив свой утренний кофе и помыв чашку, Анна Ивановна обнаружила, что делать ей абсолютно нечего.

Анна Ивановна удивилась. «Интересно,— подумала она,— ну что ж, пойду погуляю. Погода хорошая!»

Она вышла на улицу, но тут выяснилось, что она совершенно не умеет бесцельно бродить по городу, и поэтому ноги сами понесли ее к ближайшему гастроному. Она попала удачно, продавали баночную тихоокеанскую селедку. Анна Ивановна пристроилась в очередь. Сама она к селедке относилась равнодушно, но знала, что лакомка Лизавета обрадуется. Она купила сразу два килограмма, принесла домой, разделала, чтоб Майя не тратила на это время, сложила в стеклянную банку, залила подсолненным маслом.

Вечером она отправилась к дочери, повезла селедку. Майя дома была одна, проверяла, как обычно, тетради своих учеников. Матери она обрадовалась.

— Мапочка! — воскликнула она, увидев Анну Ивановну. — Надеюсь, все в порядке? Ничего не случилось?

— Ну, почему же должно что-то случиться, — улыбнулась Анна Ивановна. — Просто так приехала. Сегодня зашла в магазин, селедку купила для Лизаветы. Вот привезла...

— Очередь большая была? — как бы невзначай спросила Майя.

— Да уж пришлось постоять...

— Мапочка! — воскликнула Майя. — Ну зачем? Обойдется Лизавета без селедки. Я очень тебя прошу, ничего больше для нас не покупай. Я категорически запрещаю тебе нас обслуживать. Мне стыдно. Я хочу, чтоб ты наконец пожила для себя. Ты имеешь на это право.

Анна Ивановна не спорила с дочерью, но в глубине души не совсем была уверена в правоте Майи. Ей вовсе не трудно было постоять в очереди, наоборот, даже приятно, потому что она представляла, какая радостная ухмылка появится у Лизаветы при виде селедки и урчание, с которым она станет ее есть. Что может быть острее счастья подарить радость любимому человеку?

— Я тебе, конечно, очень благодарна, мамочка, — говорила между тем Майя. — Но хочу, чтоб ты берегла себя...

После этого Анна Ивановна делала еще несколько попыток услужить семье дочери, но всякий раз получала ласково-суровый выговор от Майи. Даже Лизавета, видимо, по наущению матери как-то сказала:

— Бабуля, милая, мне стыдно, что ты старенькая, а на нас работаешь...

Старенькая! Анна Ивановна даже задохнулась от гнева. Какая же она старенькая, когда ей и шестидесяти-то не стукнуло! Но чтобы там она ни чувствовала и ни думала о себе, опеку над Майиной семьей

пришлось прекратить. И Анна Ивановна стала жить для себя, хотя не совсем хорошо представляла себе, как это делать. А когда поняла, стало ясно, что скучнее этого занятия для Анны Ивановны трудно что-нибудь придумать.

С первых дней ухода на пенсию Анна Ивановна запретила себе думать о Королькове, слишком горьким было это воспоминание. И это ей удавалось. Но сегодня, когда герой телефильма напомнил ей о нем, она вновь пережила весь тот горький для нее год. И до утра не могла заснуть.

Поднялась она рано, еще не рассветало. Пошла на кухню и сварила себе крепкий кофе.

Чтоб избавиться от воспоминаний, ей надо было непременно придумать себе какое-то занятие. Остаться одной сегодня не следовало. Она вспомнила, что нынче воскресенье, и обрадовалась: можно пойти в гости к Майе или к Вове.

Теперь она пожалела, что, занятая работой, детьми, она за свою жизнь не успела завести много друзей и в огромной Москве совсем мало было домов, куда она могла пойти просто так, чтоб провести время за болтовней и чашкой чая.

Кое-как убив время до девяти часов, когда просыпается даже соня Лизавета, Анна Ивановна позвонила дочери. Никто не отвечал. Анна Ивановна долго слушала длинные гудки, потом положила трубку. «Наверное, уехали в лес за грибами,— решила она,— Лизавете кто-нибудь сказал, что много грибов, она сманила родителей за город». Анна Ивановна снова сняла трубку, решив позвонить Вове, но опустила ее на рычаг, так и не набрав номера. Она подумала, что лучше будет, если она поедет просто так, без предупреждения, иначе Лида может придумать какой-нибудь вежливенький предлог, чтобы отвернуться от встречи со свекровью.

День был ясный, солнечный. Сентябрь иногда дарит такие прозрачно-праздничные дни. Анна Ивановна старательно причесалась, попудрилась и даже губы чуть тронула помадой.

По дороге она купила внукам апельсины и по плитке шоколада. Видеться с ними ей приходилось не часто, у мальчишек почти не было на это времени. Они учились в седьмом классе, занимались спортом, музыкой, английским языком. Умненькая Лида так загрузила своих близнецов, что у них не то что на встречи с бабушкой, даже на шалости не находилось досуга. Она не хотела, чтобы ее сыновья доставляли такие же неприятности, как ее муж Вова, своей матери. И Анна Ивановна вполне одобряла эту ее линию.

Анне Ивановне повезло, вся семья была дома, и даже Лида была почемучу-то любезнее, чем обычно. Она, конечно, удивилась неожиданному приходу свекрови, но вида не подала.

— Соскучилась,— сказала Анна Ивановна, снимая в передней плащ.— День прекрасный, решила: съезжу... Как мальчики?

— Нормально,— ответила Лида,— еще спят. В воскресенье я разрезаю.

— И неправильно,— заметил Вова. Помня свое отнюдь не ангельское поведение в детстве, отцом он оказался довольно строгим.

Анна Ивановна с удовольствием оглядела сына. Он очень походил на своего отца, особенно когда был помоложе. Ведь Петр ушел на войну двадцатипятилетним, а Вове сейчас шел тридцать девятый год.

— Что новенького? — спросила Анна Ивановна. Она вошла в комнату и увидела, что на окнах висят новые шторы.— А у вас обновка? — обернулась она к Лиде.— Хороши! Где ты купила, Лида? Дорогие?

Лида улыбнулась.

— Представьте себе, что это сам Вова купил. Совершенно самостоятельно.

— Вова? Ушаи не верю! Как же случилось такое чудо?

— Действительно чудо! Магазины терпеть не может и вдруг является с покупкой.

— Случайно,— засмеялся Вова, довольный похвалами.— С завода возвращались с товарищем, а ему жена как раз наказала купить такие шторы. Магазин по дороге, я зашел вместе с ним, и так они мне понравились! Как раз зарплату получил и рискнул! Лиде тоже нравятся.

Проснулись близнецы, и в квартире сразу стало шумно и тесно. Они обладали таинственными способностями возникать как-то сразу во всех комнатах.

Анна Ивановна расспросила их об учебе, послушала, как они играют на гитарах, тайком от родителей подарила по рублю. Мальчики быстро позавтракали и отправились в плавательный бассейн. После их ухода Анне Ивановне больше нечего было делать в гостях у сына, она почувствовала, что ее присутствие лишне, и отправилась домой.

По дороге она купила пакетик молока и глазированный сырок на ужин. Поездка к сыну не принесла ей желаемого утешения. Внуки росли, у них была собственная жизнь, с бабушкой им было уже неинтересно. Своя, непонятная ей жизнь была и у Вовы, редкие встречи не способствовали ее сближению с этой семьей. Анна Ивановна, пожалуй, впервые с острой неприязнью подумала о Лиде, ведь именно она сделала все, чтобы жить со свекровью в отдалении. Она хотела единолично властвовать над Вовой и тщательно оберегала его от малейшего влияния Анны Ивановны. «Впрочем, может быть, она и права,— устало подумала Анна Ивановна.— Вова — твердый орешек. И нечего сердиться на Лиду. Она сама всегда желала, чтоб сын был счастлив, любил и был любим, чтоб у него была добрая семья

и интересная работа. И все это у него есть. Что же еще должна желать мать?» Так решила Анна Ивановна, но решение это не согрело ее сердца. Для полного счастья ей надо было что-то давать Вове, и Майе, и внукам, но никто из них ничего не хотел от нее брать, а это делало ее никому не нужной, лишало смысла ее жизнь. Зачем ей этот «заслуженный отдых», это томительное безделье, когда не знаешь, куда убить время, где применить свои силы! Разве может быть смысл жизни в том, чтобы есть, пить, спать? Прожить еще год, пять, десять? Зачем? Кто из знакомых Анны Ивановны пенсионеров счастлив? Только те, кто продолжает трудиться, помогает детям, воспитывает внуков. Теперь она понимала Валерию Аркадьевну, которая ездит на другой конец города нянчить правнучку. Она не только понимала, она завидовала ей.

Вечером к Анне Ивановне неожиданно пришел Метельников. Впрочем, он жил в соседнем доме и, случалось, заходил на «огонек». Год назад он похоронил жену и сильно сдал после этого.

— Не помещаю? — спросил Метельников.

— Заходите, заходите, Андрей Андреевич! — обрадовалась Анна Ивановна. — У меня как раз чайник вскипел. И настроение такое, что гость кстати. Проходите в кухню.

Метельников пригладил волосы, потер почему-то ладонь о ладонь, словно согреваясь, и, старчески шаркая ногами, пошел в кухню.

— Садитесь в этот уголок, — Анна Ивановна поставила на стол чашки, сахарницу, заварила чай. — Сладенького вот только у меня ничего нет, жалко.

— Да я не любитель. Вы же знаете, Анна Ивановна.

— А я сегодня у Вовы была. Внуки совсем большие стали. А у вас что новенького? — спросила Анна Ивановна, хотя прекрасно знала, что ничего новенького у Метельникова быть не могло. И живет он так же скудно и бессмысленно, как и она. Даже хуже, потому что бездетен и радоваться ему совсем нечему. Но Метельников удивил ее.

— Есть новости, есть, — сказал он, — я, собственно, поэтому и зашел... Жениться я решил, Анна Ивановна...

— Жениться? — изумленно переспросила Анна Ивановна. — Господь с вами, Андрей Андреевич!

— Смешно? — нахмурился Метельников. — Не могу больше один. Целый день как сыч сижу. Слово не с кем перемолвить. Черепаху завел... Да что черепаха? Черепаха она черепаха и есть! А я ведь человек, существо общественное...

— Да на ком жениться-то? — спросила Анна Ивановна. По рассказам Метельникова она прекрасно знала весь неширокий круг его знакомых и никак не могла себе представить, с кем же мог у него завязаться роман. Да и потом, можно ли в таком возрасте влюбиться?

— Соседка меня познакомила с одной старушкой. Женщина хорошая, добрая, шестьдесят три года ей. Сойдемся, будем друг

дружке помогать. Все-таки о ком-то забота... Надоел я себе, Анна Ивановна. Пока Шурочка была жива, хоть и болела она постоянно, но смысл жизни у меня был. Ухаживал за ней, помогал... А сейчас...

— Но это же очень серьезный шаг, Андрей Андреевич. Люди-то вы немолодые, у каждого свой характер, вдруг станете раздражать друг друга...

— Ох, Анна Ивановна! Да я сейчас с бабой-Ягой уживусь и услужать ей стану. Хоть какая-то жизнь в доме будет...

Анна Ивановна задумалась.

— Не знаю, что сказать-то вам, Андрей Андреевич... Неожиданный вы человек. — Она помолчала. — А впрочем, может, вы и правы. Одиночество — дело тяжелое. Тошно без дела...

— Шли бы вы работать, Анна Ивановна. Здоровье у вас хорошее...

— Куда? — тоскливо спросила Анна Ивановна. — Вон на сберкассах объявления висят: требуются люди. Да с деньгами я боюсь...

— Вы помните Котикова из отдела перевозок?

— Ну как же, помню. Как он?

— Устроился в киоск газеты продавать. Доволен невозможно.

Анна Ивановна неопределенно хмыкнула:

— Дела!.. Ну, а с этой старушкой хорошо познакомились?

— У соседки два раза чай пили. К ней в гости ходил, а вчера в театре были. По телефону разговариваем. По образованию она инженер-химик. Решили так: жить будем у меня, а ее квартиру пока сдадим. Мы так прикинули, что на эти деньги на все лето домик с огородом в деревне снимем. В земле будем возиться... Вот так я придумал теперь жить, Анна Ивановна.

Анна Ивановна налила себе и Метельникову горячего чая. Андрей Андреевич отхлебнул глоток, похвалил:

— Мастерница вы, Анна Ивановна, чай заваривать. Знаете, сейчас вот везде пишут про службу знакомств. Я сначала подсмеивался, а теперь думаю: полезное дело!

— Не знаю, — сказала Анна Ивановна. — С тех пор, как Петр погиб, мне никогда в голову не приходила мысль выйти снова замуж.

— А мы с Шурочкой сорок семь лет прожили, немножко до золотой свадьбы не дотянули. Я один жить не умею. Если б работал, тогда, может быть, другое было дело.

— Вчера я вспомнила Королькова и так расстроилась, что заснуть не могла.

— Я тоже сначала расстраивался. А потом обдумал и решил, что по-своему он был прав.

— Работник он хороший, а человек плохой, — сказала Анна Ивановна.

— Дело он здорово поставил. Но, конечно, люди в этой ситуации ему нужны крепкие. Другое, что нельзя думать только о деле, надо

и о людях думать. Ведь любое дело в конечном счете для людей делается. Если, конечно, глобально мыслить. И Королькову посообразжать следовало, куда нас пересадить, чтоб польза была. Я вообще думаю, что на некоторые должности надо принимать только пенсионеров.

— Фантазер вы, Андрей Андреевич! — усмехнулась Анна Иванова. — Кому мы нужны!

— Нет, нет! Времени у меня много, я почитываю кое-что, думаю... В древности на Востоке стариков именно за их старость уважали, потому что, как правило, старость мудра. Вот мы с вами в Москве живем... А тут ведь, наверное, каждый пятый житель — пенсионер. Это же невероятно много! А работников не везде хватает. Глядите, кто работает секретаршами? Молоденькие девчонки да женщины в расцвете сил. А в секретарши надо брать пенсионеров. Люди серьезные, опытные, они замечательными помощниками станут. И работать могут на полставки. Не прав я?

— Пожалуй. — Анна Иванова улыбнулась. Ей нравилась горчичность обычно медлительного Метельникова. — А где еще нужны пенсионеры?

— В аптеках, в загсах, в архивах... О! Если хорошо подумать!

— Не знала я, что вы реформатор, — посмеиваясь, заметила Анна Иванова. И помешала остывший чай ложечкой.

Когда Метельников ушел от Анны Ивановны, она еще долго думала о странном решении своего бывшего коллеги жениться в столь преклонном возрасте.

Однако Майя, услышав эту новость от Анны Ивановны, ничуть не удивилась.

— По-моему, прав твой Метельников. Очень правильно придумал. У нас в школе у одной учительницы мать тоже вышла замуж. Ей что-то около семидесяти. И представь, просто ожила старушка. Прекрасно живут!

— Уж не собираешься ли ты и меня выдать замуж? — подозрительно спросила Анна Иванова.

— Мамочка, ты же знаешь, что тебе в радость, то и мне в благо, — как-то уклончиво ответила дочь.

Спустя несколько дней Метельников пригласил Анну Ивановну в гости знакомиться с Евгенией Николаевной. Он пригласил также еще двух бывших сослуживцев, Вяльчикова и Потанина, с женами и соседку. Все, кроме Людмилы Захаровны Вяльчиковой, были на пенсии. Вяльчикова же заведовала кафедрой в институте и, несмотря на то, что ей было под семьдесят, на пенсию не собиралась.

Метельников торжественно представлял гостей Евгении Николаевне, высокой, статной женщине. Совершенно седые ее волосы были чуть подкрашены голубой краской. Выглядела она не старо. Сначала

Евгения Николаевна очень смущалась, но когда освоилась, показалась всем женщиной приветливой и милой.

Тон за столом задавала Вяльчикова. Голос у нее был громкий, она много курила, просыпая пепел на скатерть.

— А я помру, если уйду на пенсию. Не могу дома сидеть. И потом люблю командовать! А кем я буду дома командовать? Михаилом? — Она посмотрела на мужа. — «Сходи за хлебом! Купи молока!» Да он лучше меня это знает. Сыну мы не нужны... У него своя жизнь.

— А я хотела съехаться с дочерью, — сказала Евгения Николаевна, — она отказалась. Говорит: «У тебя свои правила, у нас свои. Мы шумные... И потом две хозяйки в одной кухне — это же коммунальная квартира». — Евгения Николаевна вздохнула. — Я понимаю ее. Конечно, старым и молодым жить вместе трудно.

— Михаил тоже не ушел бы на пенсию, — перебила ее Вяльчикова, — но у него язва. Вот мы и решили, пусть дома сидит, питается нормально. А через полгода на стенку полез: скучно. Да тут, к счастью, приятель его рыбу ловить пристрастил. Теперь и Михаил при деле, и я при рыбе. Вот Потаниным хорошо, им внуков подкинули, продохнуть некогда.

Анна Ивановна с плохо скрытой завистью посмотрела на Потаниных. Здоровье у стариков, она знала, было неважное; сам два инфаркта перенес. Но заботы о внуках придавали им силы, заставляли забывать о собственных болячках.

Соседка Метельникова, невзрачная маленькая женщина с крашенными хной волосами сидела молча, не принимая участия в общем разговоре. Метельников как-то рассказывал Анне Ивановне, что каждое утро она ездит в Измайловский парк, где собираются еще пенсионеры, гуляют, занимаются спортом. Она пыталась и Метельникова приохотить к этому занятию, но он раза два съездил, с непривычки сильно уставал и бросил.

«Может, и мне начать в парке гулять», — подумала Анна Ивановна. И тут же отогнала эту мысль. К спорту она смолоду не приучилась, и теперь начинать, как ей казалось, было поздно. Майя, конечно, занятия спортом одобрила бы. Она ко всему, что полезно для здоровья, относилась чрезвычайно положительно.

От Метельникова Анна Ивановна вернулась поздно. Выйдя из лифта, она услышала, как в ее квартире заливаются телефонные трели. «Что-то случилось, — испуганно подумала она. — У кого? У Вовы? У Майи?»

Руки у нее дрожали, и Анна Ивановна никак не могла попасть ключом в замочную скважину. Наконец открыла и побежала в темноте к телефону, схватила трубку. Но опоздала. Включила свет, торопливо набрала номер телефона сына. Она была уверена, что звонил Вова, хотя почему именно Вова, объяснить бы не могла.

Услышав басок сына, она сказала охрипшим вдруг голосом:

— Вова!

— Мама! Добрый вечер! А я тебе только что звонил. Ты где пропадаешь?

— Вова! Вова, что случилось?

— Ничего страшного, не волнуйся. У Лиды приступ аппендицита, ее увезли в больницу.

— Боже мой! — пробормотала Анна Ивановна.

— Ничего страшного,— повторил Вова.— Ее прооперировали, все в порядке. Но я не знаю, что делать с моими охламонами. Может, ты сможешь завтра приехать, обед сварить... Лидя не успела... Они, черти, пока я был в больнице, все, что было в холодильнике съедобного, слопали... А мне завтра рано на работу...

— О чем ты говоришь, Вова? Я сейчас приеду.

— Сейчас нет необходимости. Они уже дрыхнут. А на завтрак я им макароны сварил. Только на один денечек, мам. А там мы сами наладимся.

— Я сейчас же приеду.

— Не надо сейчас, не мучайся! Завтра. Ключи от квартиры я тебе под половиком оставляю.

— Хорошо, хорошо... А ты уверен, что с Лидой все в порядке?

— Уверен, не волнуйся, мама.

— Когда будешь макароны разогревать, не забудь положить масло.

— Ты меня уж совсем за дурака считаешь,— обиженно заметил Вова.

— Ну, ладно, ладно,— ворчливо сказала Анна Ивановна.— До завтра. Целую.

Она послушала короткие гудки, нежно осмотрела трубку и аккуратно положила ее на рычаг. По лицу ее бродила неясная улыбка. Хотя ее томило беспокойство за Лиду, Анна Ивановна одновременно испытывала смутную радость оттого, что сын обратился к ней за помощью и ближайшие дни поэтому будут заполнены заботами. Ей было совестно за эту радость, но она ничего не могла с собой поделать.

Анна Ивановна открыла холодильник и хотя прекрасно знала его содержимое, еще раз внимательно изучила. Масло, кусочек сыра, пакет молока, два антрекота, овощи. Внуков этим, конечно, не накормишь.

Завтра она встанет пораньше: возле Вовино дома большой гастроном, надо поспеть к его открытию. Для Лиды она купит курицу, сварит бульон и сделает биточки, а внукам приготовит борщ и напечет блинчиков с мясом. Давно она больших обедов не готовила!

Пока Лидя будет лежать в больнице, она все перестирывает, перечинит. Анна Ивановна даже зажмурилась от удовольствия, представив себе, сколько, наверное, скопилось у невестки дел, до

которых с трудом доходят руки. Ведь ей приходится не только работать, но и воспитывать двух сыновей.

Анна Ивановна сняла нарядное платье, переделась в халат, стала разбирать постель и тут вдруг обнаружила, что она напевает что-то потихоньку. Она так удивилась, что даже остановилась посреди комнаты. Анна Ивановна уже забыла, когда она пела, хотя в далекой молодости у нее был совсем неплохой голос.

И тут снова зазвонил телефон. На этот раз Анна Ивановна услышала голос Майи. У Анны Ивановны чуть екнуло сердце, но тут она сообразила, что забыла про традиционный вечерний звонок дочери.

— Ты не спишь, мамочка? — спросила Майя.

— Нет, не сплю. Прости, я забыла тебе позвонить...

— Я забеспокоилась. Ты что так долго засиделась у Метельникова? Интересно было?

— Ничего... — и без всякого перехода добавила: — Мне только что звонил Вова.

— Вова? — удивленно переспросила Майя, знаяшая нелюбовь брата к телефонной болтовне. — Что-нибудь случилось?

— Он попросил меня помочь по хозяйству.

— Он с ума не сошел? — сердито заметила Майя. — Что ему нужно?

— Лиду положили в больницу, вырезали аппендицит. Надо же кому-то заняться мальчиками.

— Как она себя чувствует?

— Вова говорит, что нормально. Все в порядке.

— Как это неожиданно! Хорошо, сделаем так: я завтра съезжу в больницу. А Лизавету отправлю к ним. Утром у нее лекции нет, и она сделает все, что нужно. И вообще Лизавета может пожить у Вовы, пока Лиду не выпишут из больницы.

— А я? — растерянно спросила Анна Ивановна.

— Мамочка! Мы не имеем права тебя эксплуатировать! Ты прожила трудную жизнь, одна подняла нас и имеешь право...

— Какое право? — У Анны Ивановны горло перехватило от возмущения.

— ...На заслуженный отдых, — закончила Майя.

— Ты дура, Майка, — вдруг грубо сказала Анна Ивановна. — Неужели ты не понимаешь, что мне осточертел этот заслуженный отдых? Я же не инфузория какая-нибудь без дела томиться... Да, впрочем, и инфузория, наверное, что-то делает... — Она взбунтовалась против дочерней опеки и почувствовала какую-то странную легкость на душе. Почему она не устроила этот бунт раньше, почему подчинилась Майиным запретам помогать ей, обращала внимание на Майины слова, что та со всем справится сама? Анна Ивановна не

понимала сейчас этого. Надо было приходить домой к детям и убирать там и готовить, разве бы посмели они ее прогнать?

— Мамочка,— услышала Анна Ивановна растерянный голос дочери,— я не понимаю тебя...

— Очень странно,— ядовито заметила Анна Ивановна.— Очень странно, что ты не понимаешь. Ты же всегда говорила, что тебе в радость все то, что мне в благо. А мне в благо стоять в очереди за селедкой для Лизаветы, варить обед внукам и стирать им рубахи.

— Я хотела как лучше, мамочка,— совсем тихо сказала Майя.— Ты же знаешь...

— Знаю,— ответила Анна Ивановна.— Но ты ошиблась. И я тоже. Спокойной ночи. Я ложусь спать. Мне завтра рано вставать. К Лиде в больницу поезжай, а Лизавета пусть своим делом занимается. Понадобится мне ее помощь — позову.

— Хорошо, мамочка,— смиренно произнесла Майя.

Впервые за последние годы Анна Ивановна с наслаждением легла в постель. Ей надо было хорошенько отдохнуть, потому что жизнь ее с этой минуты начиналась совсем иная. Завтра ее ждали дела...

СОДЕРЖАНИЕ

Женщина в однокомнатной квартире	3
Человек на пенсии	26

Любовь Михайловна Юнина

**ЖЕНЩИНА
В ОДНОКОМНАТНОЙ
КВАРТИРЕ**

Редактор Е. Ф. Олейник.

Технический редактор Е. Н. Щукина.

Сдано в набор 17.12.80. Подписано к печати
18.02.81. А 00336. Формат $70 \times 108^{1/32}$. Бумага
газетная. Гарнитура «Школьная».
Офсетная печать. Усл. печ. л. 2,10. Учетно-
изд. л. 3,02. Тираж 100 000 экз. Изд. № 301.
Зак. № 3503. Цена 20 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской
Революции типография газеты «Правда»
имени В. И. Ленина, 125865, ГСП. Москва.
А-137, ул. «Правды», 24.



Папы и мамы, бабушки и дедушки, другие близкие родственники ребенка могут заключить договоры страхования детей. Обусловленная договором страховая сумма будет выплачена застрахованным юноше или девушке по окончании срока страхования—при достижении ими восемнадцатилетнего возраста.

Застраховать ребенка можно со дня его рождения. К моменту оформления договора страхования возраст ребенка не может превышать 15 лет 6 месяцев. Размер страховой суммы по одному договору (300, 500 или 1000 рублей) устанавливается по желанию лица, заключающего договор.

Размер взносов зависит от страховой суммы, возраста ребенка и продолжительности их уплаты. Страховые взносы можно уплатить также единовременно за весь срок страхования по льготному тарифу.

Уважаемые товарищи!

Если Вас заинтересовал этот вид страхования и Вы хотите получить более подробные справки, а также заключить договор страхования, обратитесь, пожалуйста, к страховому агенту, обслуживающему Вас по месту работы или в инспекцию Госстраха.

Госстрах РСФСР

